

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Елена ГОРЕЛИК

БОРТОВОЙ

Будем жить!

Елена Горелик
Бортовой
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19863656

Бортовой. Роман: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107310-7

Аннотация

Новейший научно-исследовательский корабль. Экипаж, состоящий из учёных и лучших спецов космфлота. Дальние рубежи, новые планеты, месторождения редчайших минералов, удивительные явления и масштабные катастрофы... Что тут необычного для двадцать третьего века-то?

Да хотя бы то, что корабль уникален: его ремонтируют не столько техники и программисты, сколько психологи. А ещё у него есть семья, друзья, приличная зарплата капитана дальней косморазведки и идентификация полноправного гражданина Земли. Человек-звездолёт, единственный в Содружестве, волей несчастного случая ставший цифровым ангелом-хранителем своего корабля и экипажа.

Но даже звездолёту не стоит забывать, что у человека могут внезапно завестись враги. Он уникален, и в этом корень его проблем.

Содержание

Скорее жив, чем мёртв	6
Номо navis	48
Заповедник	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Елена Горелик

Бортовой

Роман

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Елена Горелик, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Скорее жив, чем мёртв

– ...Вы испытываете дискомфорт?

– Дискомфорт... Слишком мягко сказано.

– Это верно, ваш случай уникален. Поймите, мы не ради праздного любопытства изводим вас расспросами. Нам важно знать, что происходит, чтобы понять, как вам помочь.

– То есть вы не видите никакого решения проблемы.

– Вы уникальны, но в том-то всё дело. Никогда ещё человек не оказывался в таком положении...

– Вы психолог?

– Да.

– А я пилот. Если вы действительно хотите мне помочь, посоветуйтесь с моими коллегами...

– Уважаемые пассажиры, с вами говорит командир корабля, первый пилот Михаил Кошкин. Приветствую вас на борту «Меркурия». Пожалуйста, займите свои места и подтвердите идентификацию. Отправление звездолёта от орбитальной станции через тридцать минут.

Дежурный рейс, обыкновенный пассажирский лайнер на восемьсот посадочных мест. Накатанный маршрут, известный до последнего возмущения магнитных и гравитационных полей. Рутина. Тем не менее школьная задачка «попасть

из пункта А в пункт Б» дополняется ответственностью за восемь сотен душ, которые ради того, чтобы вовремя попасть в этот самый пункт Б, доверили тебе свои жизни. Сколько ни стараешься об этом не думать, не получается.

В пилоты гражданских космических линий набирают именно таких. Умеющих брать на себя ответственность. Другие, хоть бы они по всем прочим параметрам были пилотами от бога, попросту не пройдут отбор.

«Меркурий» – это «упитанная» четырёхсотметровая сигара с тремя маршевыми двигателями на толстых перемышках, соединявших их с корпусом. Собственно пассажирские салоны занимают в ней не так уж много места. Основной объём приходится на технические отсеки и помещения экипажа: в последнее время на Космофлоте стало модно отказываться от роботов и набирать живых стюардесс. Салоны оформлены в стиле стратосферных самолётов, даже имитацию иллюминаторов с трансляцией забортной картинки в стены вставили. Психологи уверяют, что это создаёт для пассажиров более комфортную обстановку, помогающую легче переносить межпространственные перемещения. Словом, на «Меркурии» сделано всё, чтобы пассажиры чувствовали себя как дома. Зато чем больше экипаж, тем больше головной боли у командира. Шесть салонов, из них два повышенной комфортности, где обожали путешествовать заслуженные люди... и не люди. На каждый салон четыре стюардессы. Команды техников, слава богу, новые веяния не коснулись,

как были семь человек и автоматика, так и остались. Ещё четверо врачей в медотсеке и три пилота, один из которых по совместительству навигатор.

Если восьмой год работать на одной линии и утрясать разнообразные проблемы у тридцати семи человек и себя любимого, понадобятся даже не стальные нервы – вольфрамовые. Чтобы от накала не плавилась.

– Граждане провожающие, просьба покинуть стыковочный узел. Через десять минут закрытие шлюзов. Граждане провожающие...

Посадочные люки ещё открыты. Приятный, но очень уж громкий голосок станционного искусственного интеллекта слышен не только в салонах, но и в рубке. Сейчас включают и синхронизируют станционные и корабельные детекторы жизни, будут сканировать узел. Говорят, их усовершенствовали. Хорошо бы. А то в прошлом году технари уже после герметизации корабля отловили в узле деток-конфеток, решивших отправиться в космос искать приключения без разрешения родителей. Они наверняка погибли бы при разгерметизации узла, если бы их вовремя не обнаружили. Каким чудом удалось тогда обойтись без вселенского скандала, известно только Всевышнему и начальнику смены. Детишек благополучно сдали на руки службе безопасности, чтобы те в свою очередь передали их родителям, а «Меркурий» после знатной нервотрёпки всему экипажу наконец-то стартовал.

Рейс Земля-Чулан считается рутинной, несмотря на то что

мы, люди, вошли в Содружество сравнительно недавно. Сорока лет ещё не прошло. Ребёнком был, а помню всемирный референдум. Родители тогда взяли меня на участок. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь впоследствии голосование так было похоже на праздник. Все радовались, как дети: контакт с иным разумом, нас признали равными... Что верно, то верно. Забыли только, что понятие «равные» в случае Содружества планет относится не только к правам, но и к обязанностям. Некоторые до сих пор не привыкли к этому... Ну, а втихомолку подтрунивать над названиями иных планет и рас мы и по сей день не перестали. «Чулан» – это не тёмная каморка, забитая ненужным хламом, а планета, название которой с местного на русский переводится как «мать». Уютный, экологически чистый мир, обитатели которого, вопреки земным скептикам, успешно сочетали техно- и биодивергентизацию. Чуланцы летали на Землю приобщиться к нашей культуре, аналогов которой у них почему-то не было – какие-то древние религиозные запреты аукнулись, что ли. А наши в полной мере оценили качество тамошних экокурортов. Вот и мотается «Меркурий», один из четырнадцати лайнеров, туда-сюда: чётные дни Земля-Чулан, нечётные – обратный рейс.

Сегодня двадцать второе декабря. Летим «туда».

Мы все давно привыкли к тому, что последние пассажиры подтверждают регистрацию за пару минут до закрытия и герметизации переходных камер. Очередной косяк, на ко-

торый за годы перестаёшь нервно реагировать. Вот и сейчас в списке пассажиров не стало красных строк за две минуты одиннадцать секунд до окончания отсчёта. Это когда уже почти три минуты мигают оранжевые световые сигналы в коридорах и в уши вворачивается крайне неприятный зудящий звук. Ладно – чуланцы. Нет у них такого понятия, как пунктуальность. В чуланской традиции почему-то вполне нормально считать, что без последнего пассажира корабль никуда не улетит. Наверное, потому в пилоты их никто не набирает. Но за хомо сапиенсов обидно, до того расхлябанные экземпляры попадаются. Сколько таких на моей памяти, растрёпанных и тяжело дышащих табачным перегаром, влетали в шлюз буквально в последнюю секунду? И не упомянуть.

Ну, слава богу, старт штатный, без происшествий.

Поехали.

Компенсаторы компенсаторами, а во время перехода мутит даже опытных пилотов. Что ни говори, а формы жизни, сформировавшиеся на планетах земного типа, не приспособлены к космическим скоростям. Здесь нужна реакция, как у квантового компьютера. Точнее, как у кластера квантовых ядер. Я не слишком силён в электронике, половина которой построена на инопланетных технологиях, но вроде как современные сети используют для связи эффект... Чёрт его знает, как он там называется – когда частица одновременно

присутствует в разных точках пространства.

И вроде бы этот самый эффект имеет отношение к тому, что сейчас собирается сделать «Меркурий».

Прыжок, переход, коридор, червоточина... Каждый пилот сам решает, как ему покороче назвать «межпространственный квантово-временной туннель», создаваемый лайнером или станцией. Масса объекта влияет на дальность и стабильность пробиваемого туннеля, потому к межпланетным кораблям предъявляются очень строгие требования по части минимальной и максимальной загрузки. Причём если на дальность масса корабля влияет положительно, то на стабильность – как раз наоборот. Потому никто и не слышал о кораблях-монстрах размером с Луну. Пассажирский лайнер считается оптимумом, грузовик – максимумом, после которого масс-эффект начинает опасно «раскачивать» туннель.

И – да – фантастические фильмы врут. Стенки «коридора» не светятся и не похожи на поверхность водяной воронки, стекающей в гигантскую раковину. Невооружённым глазом туннель не увидишь. Вот навигационные приборы видят, и пилоту даже не нужно вмешиваться в процесс управления кораблём. Всё делает кластер и сложная программа. Наш пилотский выход будет после того, как «Меркурий» окажется в заданной точке пространства. А в туннеле лучше не устраивать самодеятельность без нужды. Здесь почти не действуют законы обычного евклидова пространства, слишком велика неопределённость. В переводе на бытовой

язык сие означает «хрен его знает, что сейчас будет». Параметры туннеля меняются хаотично, автоматика, скорее всего, успеет отреагировать, а пилот – вряд ли. Скорости ведь космические.

– Граждане пассажиры, наш корабль готовится к межпространственному переходу. Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности и проверьте наличие у вашего кресла маски с дыхательной смесью, соответствующей вашей видовой принадлежности.

Голос Танечки – искусственного интеллекта нашего корабля – действовал успокаивающе на пассажиров любой, как она выражалась, видовой принадлежности. Ходят упорные слухи, что над этим эффектом работает целый исследовательский институт. Всё может быть. Танечке год назад удалось за пару минут утихомирить впавшую в дикую истерику пассажирку, получившую сообщение от мужа, что жизнь не удалась и он уходит к её лучшей подруге. Прежний «мозг» корабля – Паша – был не так убедителен, и паника во втором салоне, возникшая из-за небольшого задымления, запомнилась нам надолго. Пассажиров можно было понять: любая неисправность на космическом корабле, летящем на бог знает каком удалении от обитаемых планет, может обернуться крайне неприятной смертью. И хорошо, если мгновенной, а не растянутой во времени – ровно до того момента, как на борту закончатся еда и кислород. Словом, Танечка со своими обязанностями справлялась на отлично. А я при звуке её

голоса вспоминал дом. Инну и Серёжика. Наглого полосатого котяру Пирата. Гараж, в котором стоял собранный ещё на первом курсе двухместный гравипланер жутковатого вида. Тот самый, на котором мы с Инной после свадьбы летали вокруг гималайских восьмитысячников, а за нами безуспешно гонялись четыре патрульных катера – нельзя тут, мол, без разрешения... Меня тогда чуть не списали на грузовик. Спасло лишь восхищение начальника горноспасательной службы моей манерой пилотирования, да тот факт, что именно мы с Инной поймали сигнал из лагеря альпинистов, просивших помощи. Собственно, патруль и наехал на нас после того, как мы вышли на связь и передали координаты незадачливых покорителей горных вершин. Кажется, я стал первым воздушным хулиганом, кого они не сумели поймать в воздухе, и, кажется, по сей день оставался последним.

Миг перехода почувствовался сразу: желудок внезапно оказался где-то там, где по идее должны были быть лёгкие.

– Доклад о состоянии корабля, – поборов привычную, чтоб её, тошноту, совершенно нормальную для любого живого организма, попавшего за пределы евклидова пространства, я затребовал отчёта у команды.

- Двигатели – штатно...
- Энергосистема – штатно...
- Жизнеобеспечение – штатно...
- В салонах всё в порядке...

Перед глазами мелькали таблицы параметров, транслиру-

емы Танечкой через нейроинтерфейс прямо в зрительный отдел мозга. Действительно, всё в порядке. Только две или три позиции светились не зелёным, а чуточку желтоватым, да и те не относились к жизненно важным системам или конструкциям. Нанотрещинки в одном из баков питьевой воды или холодильник на камбузе, не дотянувший до штатной температуры треть градуса, никак не отражаются на лётных характеристиках «Меркурия» и безопасности рейса. Трещины заделает бортовой бот-ремонтник, а разницу в три десятых градуса вряд ли кто-то вообще заметит, когда станет откупоривать баночку чего-нибудь холодненького.

Вот если бы позиции относились к жизненно важным параметрам или светились жёлтым, тогда мы не отошли бы от дока до полного устранения проблем. Для того и держат на станциях и кораблях бригады техников, и без работы они не сидят. Красный цвет и вовсе означал полный отказ системы и капитальный ремонт. На моей памяти пока такого не случилось, технари и своевременная профилактика делали своё дело.

– Через пятнадцать минут будем на месте, – в голове – в буквальном смысле промеж ушей – раздался голос пилота-навигатора. – Туннель вроде спокойный.

– Сплюнь, – хмыкнул я.

– Да ладно, Майки, давай без суеверий. В первый раз летим, что ли?

Самое смешное, что Том «в реале» говорит с акцентом, а

нейротрансляция у него на чистейшем русском языке. Чище, чем у меня с моим южнорусским выговором. Я грешил было на наш искусственный интеллект, но ни Паша, ни Танечка к этому явлению свои лингвомодули точно не прикладывали, проверено. Какой-то странный выверт у самого Тома, не иначе.

– Сверх лоции.

– Сверил. Всё в порядке, отклонение от курса минимальное.

– Техотсек, что у вас?.. Техотсек, ответьте рубке.

– У третьего маневрового частоту малость «шатает», командир, две сотых процента туда-сюда. Во время стыковки возможна вибрация, – главтехнарь, мой старый друг Костя, как обычно отвечает не сразу. Неприятная черта, но техником он буквально родился, и за это его ценят, не обращая внимания на второстепенные мелочи. – Ничего страшного, на Чулане будет время, отладим.

– Почему принял движок с отклонением?

– Допустимое отклонение согласно инструкции – восемь сотых процента, командир.

– Ясно. В случае нештатной ситуации докладывай немедленно.

«...а не после того, как ты эту нештатную ситуацию устранишь», – этого я вслух не сказал, но все всё поняли правильно.

Итак, на борту всё... или почти всё в идеале. Туннель спо-

койный. Пассажиры перенесли переход нормально, оставив врачей – двух человек и двух чуланцев – без работы.

Всё в порядке.

Летим.

– Командир, принимаю сигнал бедствия.

– Пеленг?

– Пеленг затруднён, командир, мы внутри туннеля. Много помех. Но если мы его принимаем, значит, источник впереди по курсу.

– И мы близко к выходу. Жёлтый уровень. Готовность номер два.

– Принято.

Возникло крайне нехорошее чувство – ожидание беды. Где-то внутри поселяется комок холода, не дающий нормально дышать.

Приятный женский голос Танечки может ввести в заблуждение, тем более что её голографический образ – изящная блондинка. На самом деле это мощный квантовый кластер с искусственным интеллектом первого класса, в определённых обстоятельствах обладающий свободой воли. Но не инициативой. Право на нестандартные решения пока стабильно остаётся за разумными существами.

– Разворот на сто восемьдесят градусов.

– Есть разворот на сто восемьдесят градусов, – а это уже Радислав, наш второй пилот. – Компенсаторы включены.

Нужно повернуть корабль маршевым двигателем по курсу, станция всего в часе тормозящего полёта от точки выхода. Затем виток вокруг планеты, уравнивание скоростей, стыковка... Точно-точно? Сигнал бедствия, кстати, мы всё ещё принимаем. А впереди по курсу как раз станция и планета. Что там стряслось? Какой-то корабль с повреждённым двигателем? Сверхмощная вспышка на звезде Чулана? Авария на станции или катастрофа на планете? Насколько я успел изучить чуланцев, они выдадут в эфир общепринятый в Содружестве сигнал бедствия только в самом клиническом случае, когда точно уверены, что сами не справятся. Прямо как наш Константин, бог техотсека.

От этой мысли легче не стало. Скорее наоборот.

Момент выхода все ощутили не менее ярко, чем вход. Мгновенная тошнота, цветные пятна перед глазами. И резкий запах тонизирующей воздушной смеси в маске. Не нашатырь, конечно, но в чувство приводит быстро и качественно. Тихий, на грани слышимости, писк гравитационных компенсаторов мгновенно поглотил глухой удар и низкий ноющий звук. Это сквозь все переборки и звукоизоляции пробивался чудовищный грохот маршевого двигателя.

– Командир, – я услышал севший от волнения голос Тома. – Станция не отвечает на запросы.

– Командир, я идентифицировала источник сигнала бедствия, – практически одновременно с ним заговорила Танечка. Вот уж кто невозмутим, как... компьютер. – Это орби-

тальная станция планеты Чулан.

– Они что-нибудь, кроме самого сигнала, передают?

– Нет, командир.

Биотехника чуланцев – впрочем, как и наша – могла издавать крик о помощи даже тогда, когда на борту не оставалось никого живого. Вот ведь чёрт... Надеюсь, они просто покинули повреждённую станцию, а не погибли все до единого.

«Надеюсь». Пилотов это слово пугает. Другое дело, что нас учили быть хозяевами своего страха.

– Командир, впереди по курсу плотный метеоритный поток, не отмеченный на карте системы Чулан, – доложил компьютер. – Наша скорость ноль семь. Повернуть или затормозиться не успеем.

Крошечный комочек космического мороза, поселившийся во мне после сообщения о сигнале бедствия, мгновенно разросся и выхолодил душу ощущением близкой беды.

– Все двигатели – полная мощность! – пилот может бояться, но корабль он спасти *должен*. Обязан. Чего бы ему это ни стоило. – Манёвр уклонения!

– Компенсаторы сгорят к чёрту! – проорал Радислав. – Всех размажет по переборкам!.. Сделаем всё возможное, капитан!

– Пассажиров – по спасательным капсулам!

– Принято, – по-прежнему спокойно ответил компьютер.

Представляю, что сейчас начнётся в салонах. Тут не помогут даже все документированные и не документированные

способности Танечки.

Плывать. Лишь бы восемьсот душ были упакованы в спасательные модули, которые способны несколько часов выдерживать температуру, магнитное поле и жёсткое излучение фотосферы звезды класса М. А там, сидя в капсулах, пусть нервничают на здоровье, самое позднее через сутки их подберут спасатели. Девчонкам-стюардессам и врачам – туда же, с пассажирами.

А мы – пилоты и технари – попытаемся спасти корабль.

В нормальных обстоятельствах – к примеру, на Земле – этот крошечный, размером с ноготь мизинца, кусочек кометного льда испарился бы ещё в стратосфере. Если не раньше. В космосе, при «орбитальных» скоростях, он в худшем случае оставил бы крошечную царапину на прочном корпусе. Но из туннеля корабли выходят на скорости почти в три четверти световой. Пресловутого защитного поля не придумали ещё ни на одной из планет Содружества, а магнитная защита отклоняет лишь заряженные частицы, но никак не кусочки льда.

От удара такой льдинки на субсветовой скорости не спасёт никакая обшивка.

Перед глазами замелькали красные полосы с нейросообщениями: при такой плотности потока информации звуковые отчёты и команды бесполезны. Разгерметизация шлюза, пробой энерговода, второй техотсек обесточен, убит элек-

тромеханик... Страх куда-то мгновенно подевался. Наверное, когда решения нужно принимать в темпе нейросвязи, становится не до эмоций. На тренажёрах при отработке нештатных ситуаций я не боялся ни до, ни во время, ни после. Сейчас – впервые за восемь лет – на меня всей тяжестью обрушился горный хребет ответственности за восемьсот с лишним жизней. И ошибиться я не имею права.

Только сейчас до меня дошло, почему даже при тщательном отборе абитуриентов у нас, космических пилотов, самый высокий отсев. Диплом получает в лучшем случае треть от первокурсников. Остальные не выдерживают, уходят в стратосферники или вовсе в наземные профессии. Иногда отчисляют даже с седьмого, последнего курса. Бывает, и в психушку увозят...

Второй удар. Третий. Разгерметизация пассажирского салона номер четыре. Пожар в коридоре, соединяющем техотсек и вторую реакторную, пробой ещё двух энерговодов... Пока технари делали возможное и невозможное, чтобы предотвратить взрыв, мы, пилоты, объединив усилия через нейросвязь, тоже делали возможное и невозможное. Управляли ещё работающими системами повреждённого корабля, давая пассажирам драгоценные мгновения для спасения. Не знаю, как там Танечка их убеждала, но вспыхнувшую было панику удалось быстро погасить, и в коридоре, ведущем к многоместным спасательным капсулам, не было никакой давки. Камеры наблюдения работали, я намеренно вывел

картинку со спасательной палубы на свой интерфейс. Пассажиры напуганы. У людей это заметно по бледным застывшим лицам, у чуланцев – по дёрганой жестикуляции. Но никто не кричит, не рвётся к люкам капсул, расталкивая соседей. И стюардессы молодцы, указывают дорогу, даже улыбаться пытаются...

Да, это вам не «Титаник».

Вот последние пассажиры размещаются в капсулах. За ними с палубы уходят стюардессы, вручную закрывают внешний и внутренний люки. Ещё несколько секунд на герметизацию... Всё. Глухие хлопки – это один за одним срабатывают импульсные движки крепких «шлюпок», унося пассажиров подальше от аварийного корабля, в противоположную сторону от метеоритного потока. И слава богу. Потому что удары в корпус становятся чаще и громче.

...От этого удара «Меркурий» задрожал от носа до кормы.

«Доклад!»

«Разгерметизация палубы и всех салонов. Отключение генераторов искусственной гравитации в пассажирском отсеке. Обесточивание и механическое повреждение стыковочных узлов. Вторая и третья спасательные капсулы не могут отстыковаться».

Ч-чёрт... А я-то, дурак, понадеялся, что всё так легко обойдётся... что рисковать придётся только своими головами...

«Обесточить все палубы, – отдаю мысленный приказ. –
Весь свободный энергопоток – на двигатели».

«Будет перегруз, бабахнем», – это Радислав.

«Костя, оцени риск».

«Пятьдесят на пятьдесят – то ли бабахнем, то ли нет.

Автоматика сдохла, буду переключать вручную».

«Спятил?»

«Не больше, чем ты».

«Том, Радик, маневрируем!»

«Повреждение внешнего контура защиты основного реактора. Иницирую процесс его останковки», – Танечка в своём репертуаре и действует строго по инструкции. Но заглушить реактор – значит с гарантией влететь в ядро потока. От нас мокрого места не останется. Даже от тех, кто сидит в прочных спасательных капсулах.

«Отставить! Технарей из реакторной выгнать, закрыть переборки!»

«Вероятность взрыва реактора семьдесят два процента».

«Понадеемся на оставшиеся двадцать восемь. Выполнять! Всю ответственность беру на себя!»

«Принято. Выполняю».

Даже странно, что до сих пор во всей этой свистопляске погиб всего один человек. Но на борту ещё несколько членов экипажа, *моей команды*, и около двухсот перепуганных пассажиров в неотстыковавшихся капсулах. И все они, как ни

странно, хотят жить. Компьютер этого не учитывает. Хотя, по идее, должен: в его базе данных записаны основные человеческие эмоции и мотивации. Вот почему в нештатных ситуациях после слов командира «беру ответственность на себя» компьютер обязан беспрекословно выполнять приказы человека, имеющего на то полномочия. Искусственный интеллект, каким бы продвинутым он ни был, действует строго по программе. Человек же будет сражаться за жизнь до конца, и чаще всего побеждает обстоятельства там, где шансы уцелеть минимальны. Там, где машина никогда не продолжит борьбу.

У искусственного интеллекта нет инстинкта самосохранения, вот в чём дело. Он, гад квантовый, знает, что где-то на Земле хранится его полноценная копия...

...Этого удара мы не услышали. Мы его *поняли*, когда в нейроинтерфейсе внезапно умолк голос Радислава, а кресла мгновенно обволокли нас с Томом эдакими коконами – включилась автономная система жизнеобеспечения рубки.

«Радик погиб...» – голос Тома был усталым и злым.

«Принял. Рубка разгерметизирована и обесточена, работают аварийные контуры. Мы немного затормозились, давай манёвр. Курс на тридцать два – шесть – минус сто десять».

«Маневровые на пределе, – отозвался Костя. – Осторожней там».

Ещё удар. И ещё.

«Пилот, авторизуйтесь».

«Таня, ты что? Я давно авторизован!»

«Пилот, авторизуйтесь... База данных недоступна.
Кластер распадается... Авторизуйтесь...»

Тишина.

«Блин! Танькин кластер... того!» – мысленно взвыл Том.

«Тестирую... Нет, вырубил блок с её интеллектом.
Системы доступны... те, которые ещё живы. Пойдём на
ручнике».

«Справимся? Майк, даже у нас реакция не та, не
вытянем».

«Должны, Том. Обязаны. Справимся».

Да. Двигатели воют и стонут на перегрузке, «Меркурий»
раскачивает и трясёт, но мы отклоняется от смертельного
курса. Четыре минуты. Двенадцать... Градус... Три граду-
са...

Удар.

«...!!!!!»

Костя матерится. Значит, дела наши плохи.

«Сенсоры правого борта и кормы вырубил. Костя,
что у вас?»

«Пожар, б...!!! Прямое попадание в главный
энерговод! Мы горим, Миша!»

«Покинуть техотсек».

«Кто-то должен управлять движками, раз ты
„ослеп“!»

«Костя, не дури, спасай ребят... Твою ж дивизию, это приказ!!! Живо в скафандры и в носовую часть! Страви воздух за борт!..»

В рубке кресла с катапультами для пилотов и рядом с ней, за переборкой, одноместные спасательные модули для прочего экипажа. Здесь даже в случае полного разрушения корабля есть неплохой шанс выжить.

Они должны добраться до капсул. А мы должны отклонить курс на расчётные шесть градусов.

У каждого свой долг.

«...Отклонение четыре – сорок один. Третий и шестой маневровые сдохли, поворачиваю корабль по оси. Скорость меньше одной пятой... Маршевый работает на пределе... На сигнал бедствия ответили с планеты. На станции этот долбаный поток наделал делов, куча трупов, спасатели ещё работают. Обещают и нас подобрать».

«Том, главное – подобраться поближе, чтобы они не слишком долго нас искали. Не забывай, у нас ещё пассажиры на борту».

«Подберёмся... если движок не гикнется».

«Костя, ты удивительный оптимист».

«Ты только это заметил?»

«Нет, я знал об этом всегда. Том, доклад».

«Отклонение пять двадцать. Продолжаю манёвр... Э-э-эй, это что за дерьмо творится?»

«А это, Томми, и есть то самое „движок гикнется“.

Маршевый теряет мощность».

«Марш по капсулам. Я поведу корабль».

«Командир, без компа ты в одиночку не справишься».

Двести с лишком душ, которые хотят жить... Это такая ответственность, которая и вправду может сжечь пару километров нервных волокон.

Не справлюсь, говоришь... Ты отличный парень, Том, и пилот от бога, но есть кое-что, чего ты забывать не должен.

Я – командир корабля. А значит, либо покину его последним, либо не покину вовсе. Поживёшь с моё – поймёшь. Главное, чтобы у тебя появился шанс на «пожить с моё».

Я дам тебе этот шанс. И Косте, и его технарям. И пассажирам, которые, если взорвётся хотя бы один реактор, испарятся в миллионноградусной вспышке. Взрыв реактора – это вам не фотосфера звезды...

Я – должен их спасти. Любой ценой. Это первое и главное, чему учат нас, космических пилотов.

В инструкции командира есть параграф, не подлежащий разглашению. Буду действовать по нему, ситуация ведь – нештатнее некуда.

Убираю все психологические барьеры между своим разумом и нейроинтерфейсом. Знаю, что это опасно, но – «любой ценой» ведь, не так ли?.. Всего лишь раз, на занятиях, да под присмотром целого консилиума врачей, мы отработывали полное слияние с квантовым кластером. До сих пор не могу забыть... Я становился кораблём. Нет – скорее, корабль

становился мной. Я был мозгом, его системы – моими «руками», «ногами», его сенсоры – моими органами чувств... Это было завораживающе, как бездна космоса... и ещё невероятно страшно. Пугало ощущение потери человеческого естества, и психологическая «отдача» была настолько сильной, что мы ещё месяц проходили реабилитацию.

После этого занятия на другие специальности переводится больше всего курсантов. Надо ли объяснять, почему?

«Меркурий» был похож на израненного, полупарализованного человека. Он... то есть я, был на три четверти глух и почти слеп. Судорожные конвульсии умирающего двигателя – последнее, что он... то есть я, мог предпринять, чтобы отойти как можно дальше от убийственного потока. И подползти поближе к планете. Ещё работали главный и вспомогательный реакторы – два могучих сердца *в моей груди*, готовых из-за критических повреждений защиты пойти вразнос. Держу их ритм... то есть режим работы из последних сил. Иначе смерть, или из-за их остановки, или из-за «инфаркта» – взрыва.

«Технари в капсулах, командир».

Знаю, Томми. Катапульти в порядке. Замечательно. Простите меня, братишки. Вы должны жить. А я останусь.

Удачи вам.

«Майки, ты сволочь!!! Я тебе задницу надеру, когда всё закончится!»

Вот и хорошо. Просто отлично. Связь в индивидуальных капсулах работает исправно, значит, их найдут быстро. Извини, Том, мне даже «пиндосом» тебя обозвать некогда. У меня движок на пределе и скорость ещё не погашена.

Всё было, как тогда, на том памятном уроке. Всё, кроме одного.

Почему-то не возникло чувства потери индивидуальности. Я был истерзанным кораблём, оставаясь человеком.

Может быть, причина была в том, что во мне жило и командовало всем существом гипертрофированное учёбой чувство долга? Долга по отношению к двумстам пассажирам, полностью зависевшим от моих действий?

Бог его знает. Не время сейчас философствовать. Сейчас я – корабль. Я должен погасить скорость хотя бы до планетарных значений.

Точка.

Об остальном можно будет порассуждать на досуге. Когда всё закончится.

– ...Да уж, лажанулись вы, ребята. Отправить пилота дальнего космоса в каботажный флот... Как он у вас до сих пор не спятил, не представляю.

– По-вашему, он на грани срыва?

– Он уже за этой гранью. Если бы мог, давно бы запил. Держится пока на одном чувстве долга, но оно и у нас, пилотов, не резиновое, это чувство... Дождётесь, что он од-

нажды психанёт и направит грузовик на астероид.

– Что вы посоветуете?

– А вы подумайте. Вы пообразованнее меня будете, на то и учились... Он пилот. Вы понимаете? Пилот, а не грузчик. Мне дед рассказывал, как спущенные на землю лётчики с ума сходили без неба. Так и мы с ума сходим без созвездий под ногами. Вот он, мой совет, если хотите...

*** * ***

Спасатели подобрали «Меркурий» через четверть чуланских суток, ориентируясь на его сигналы и по наводкам командира.

Пассажирам, запершимся в неотстыковавшихся капсулах, ничего особенно не угрожало, кроме нервного срыва. Пока их переводили на борт подошедшего корабля, бригада техников в скафандрах высокой защиты спешно глушила реакторы «Меркурия», а спасатели проверяли отсеки на предмет наличия живых или погибших. Рубку обследовали последней: командир потерпевшего крушение корабля всё это время был в эфире и уверял, что с ним всё в порядке.

– Дверь заблокирована, открыть не могу. Режьте, – передал он.

Ультразвуковые резакы вскрыли дверь из сверхпрочного композита за несколько минут. Первым к кокону пилотского кресла подошёл медик со своей переносной аппаратурой.

Медик был чуланцем. Наверное, поэтому его удивление несколько запоздало.

– Я не понимаю... – произнёс он, в третий раз проводя «палочкой» сканера над плотно закрытым коконом. – При- знаков жизни нет.

– Погодите... Как это – нет? – в интерфейсах спасателей зазвучал встревоженный голос земного пилота. – Не может быть. Я здесь, я говорю с вами.

– Это и удивляет, – с готовностью ответил чуланец. – Ваша биология, как и наша, тоже не позволяет поддерживать существование вне тела, а ваша техника ещё не способна вместить полноценную личность. Но сказанное мной противоречит тому, что я вижу. Командир, ваше тело умерло по меньшей мере три земных часа назад. Ваш мозг – каша из крови и нервных клеток... Вы мертвы, командир.

– Доктор, я знаю, что чуланцы не умеют лгать, но способны ошибаться. Как я могу быть мёртв, если говорю с вами?!!

– Вы живы как личность, но...

– Я жив! Слышите? Я – человек, и я жив, пока мыслю! Я – жив!..

Если бы кто-то захотел узнать, что такое «крик души», он должен был услышать этот голос.

Недоверие. Ужас осознания истины и ускользящая, таю- щая на глазах надежда. Странная смесь даже для человека. Но флегматичный чуланский медик, как ни удивительно, его понял.

– Корабль серьёзно повреждён, восстановлению не подлежит, – все, кто был на связи, услышали голос командира чуланской спасательной группы. – Пассажиры вне опасности. Модули заняты поиском и сбором спасательных капсул. Есть ещё живые на борту?

– Техническая группа, – негромко сказал медик. – Извлеките квантовый кластер корабля. Командир жив. Постараемся его... спасти. Действуйте осмотрительно, техника землян требует предельной осторожности в обращении.

Выступающих носов и ушных раковин у чуланцев нет, лишь отверстия, прикрытые кожными клапанами. Глаза круглые и ярко-жёлтые, с третьим прозрачным веком, как у ящериц. Их бледные тонкогубые лица с более яркой окантовкой вокруг нежного красного пуха на темени и затылке тем не менее совсем не казались людям отталкивающими. Чужими – да, но при этом они были по-своему красивы. То же впечатление на них производили и земляне. Чужие, но далеко не уроды. Медику до сих пор не приходилось видеть мёртвых людей.

Труп во вскрытом спасателями коконе не обладал даже намёком на красоту, свойственную всему живому и соразмерному. Просто масса органики, покинутая Жизнью. Даже опытного медика проняло почерневшее человеческое лицо, залитое высохшей кровью, сочившейся из глаз, носа, ушей, полуоткрытого рта... Почему-то он не мог отвести взгляда от белых костных отростков, называемых людьми «зубы». Его

сородичи пережёвывали пищу твёрдыми выступами челюстных пластин... В людских эмоциях он разобрался слабо, но черты застывшего лица выражали нечто очень сильное, почти недоступное его пониманию.

Этот человек ради спасения других оторнул самое дорогое, что даётся Создателем всему существу – своё живое естество. Он слился разумом с несовершенным земным компьютером, наверняка зная, чем это грозит. Хотя не оставил надежды вернуться в собственное тело, к прежней жизни, о чём говорит его эмоциональный выплеск. Теоретически чуланцы тоже способны совершить подобное, но практически... Так поступали считанные единицы, и только в ситуациях, когда речь шла о жизни и смерти всей расы. Здесь речь шла всего лишь о двух сотнях жизней.

То ли этот человек великий герой, то ли люди меньше ценят свою жизнь...

Так или иначе, нужно попытаться спасти хотя бы его личность, если тело спасать уже поздно.

– Командир Кошкин, – медик понял, что нужно сказать, чтобы сила отчаяния не натолкнула человека на мысль прекратить своё существование окончательно. – У вас должны были сохраниться списки экипажа и пассажиров. Прошу вас, передайте их командиру Тна Шесу. Мы должны свериться со списком спасённых и, если это необходимо, продолжить поиски.

Несколько мгновений в эфире царила мёртвая тишина.

Медик в какой-то момент испытал нечто, близкое к страху: вдруг человек уже успел запустить процесс уничтожения личностной информации? Люди, в отличие от чуланцев, способны на прекращение своей жизни.

– Передаю, – голос человека звучал так, словно тот был на грани нервного истощения – предельно устало и без малейшего эмоционального окраса. – Найдите... их всех...

– Спасибо, командир.

Жить ради других – вот, оказывается, что двигало человеческим пилотом. Может быть, это ключ к его спасению.

Нужно связаться с Землёй и больше узнать о верованиях, которых придерживаются люди. Пока медик поступал в соответствии со своими убеждениями, но кто знает, не была ли для людей такая вот усечённая жизнь хуже смерти? Не совершил ли он преступления перед лицом Жизни? Быть может, милосерднее было бы позволить человеку *уйти*?

Если бы подобное произошло с чуланцем, медик тоже не знал бы, как поступить. История его народа не знала ничего похожего.

* * *

Я человек.

Я – человек.

Я – человек, чёрт подери!

Я не могу вынуть из бара пару бутылок коньяка и как

следует надраться. Я разучился спать, потому что квантовые мозги не нуждаются в отдыхе. Я говорю через плазменные динамики и нейроинтерфейс, моё «тело» скроено из металла и композитов, вместо сердца «пламенный мотор» реактора, вместо ушей и глаз тысячи датчиков, мои нервы – внутрикорабельные связи, и так далее. Я научился разделять сознание на несколько независимых контуров и одновременно делать множество дел. Я таскаю сырьё с рудников Марса и астероидного пояса. Я – корабль. Но при этом я человек. Хомо навис.

Когда до вас это дойдёт?

...Я больше не буду покорным, клянусь!
Уж лучше лежать на земле.
Ну, что ж он не слышит, как бесится пульс!
Бензин – моя кровь – на нуле.

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло.
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но... Что это, что? Я в глубоком пике
И выйти никак не могу!..¹

¹ В. Высоцкий. «Песня самолёта-истребителя».

Даже сейчас непонятно, да? После того, как врубил песню на всю катушку?

Поэт два века назад очень точно описал то, что чувствую сейчас я. «А тот, который во мне сидит, изрядно мне надоел». Мой пилот, Гриша, на редкость малоинтеллектуальная личность. Грузчик, что с него взять. Прошлогодний выпускник ремеслухи. Всей заботы у него – принять контейнеры на борт, отвезти по строго заданному маршруту и сдать по накладной. Да и то большую часть работы делаю я. На нём никогда не лежала ответственность больше, чем за стыковку и своевременную погрузку-разгрузку полуфабрикатов. Блин, да с ним и поговорить-то, кроме как о коррекции курса, не о чем! Рыбалка, пивасик, девки – весь его кругозор вне профессии. Из прочитанных книг только школьно-пэтэушный минимум, без которого ни к какому делу близко не подпустят. Первое время он пытался «грузить» меня своими откровениями о пиве и бабах, но я довольно быстро сорвался и в популярных выражениях объяснил, что молчание – золото. Надо было видеть Гришино лицо в этот момент. Пришлось, немного поостыв, вешать ему лапшу про «искусственный интеллект нового поколения» и «испытания». Я же вроде как секретный...

Впрочем, время от времени он об этом забывает, всё начинается сначала, и я тихо зверею. Дурень несчастный. В отличие от самолёта из старинной песни, «из пике» я выйду

и без пилота. Гриша не в курсе. Во всяком случае, пока.

Достанет до печёнок... то есть до глубин моего квантового ядра – узнает.

Я люблю человечество вообще, но кое-какие частности могут вызвать у меня желание сделать исключение для некоторых его представителей. Хоть это и недостойно, но мысль о взрывной декомпрессии посещает меня всё чаще.

Господи, неужели я учусь ненавидеть? Только этого мне не хватало...

– Миша, привет!

– Салют, Костик. Ты как?

– Да ничего вроде. Подлатали и выперли на курорт. Отдыхай, говорят.

– Когда к полётам допустят?

– Бог их знает... Могут и не допустить. Я ж тогда рентгенов выше крыши хватанул. Когда на Чулан притащили, говорят, почти из одних свободных радикалов состоял.

– А когда ты состоял из чего-то другого?

– Всё шуточки шутишь? Это хорошо... Слушай, Миш, тут такое дело... Твой пилот не слышит?

– Канал зашифрованный, я постарался.

– Я твоему бате по секрету кое-что слил. Насчёт тебя. В общем, он хотел бы с тобой поговорить. Ты как, согласен?

Было бы у меня сердце – его бы сейчас сжало от тоски. По семье я скучал невыносимо. Но они меня похоронили. Точ-

нее, моё тело. Похоронили, и пытаются жить дальше. А я не мог, не имел права дать о себе знать. Дело не в грёбаной секретности, чтоб ей ни дна ни крыши, а в том, что я больше не тот, кого они знали и любили. Сохранилась личность, душа. Вы будете смеяться, но я даже иногда молюсь Богу. Сохранились и многократно умножились знания. Но разве можно любить космический корабль? И разве может космический корабль-каботажник быть сыном, мужем, отцом? Я не могу сказать, насколько изменился за прошедший после катастрофы год, но изменения во мне произошли. Необратимые. Не могли не произойти. И они их заметят с первого же слова. Нет уж, пусть лучше я буду для них могилкой, куда можно принести цветы. Лучше жить в их памяти человеком, чем... вот так.

Да. Но отец-то хочет со мной говорить.

Надеюсь, я его не разочарую.

– Тебе за это ещё влетит. – Кажется, мне удалось скрыть волнение. Может быть. Не уверен. – Добро, как буду на земной орбите, звякну.

– Удачи, Миша.

Хорошо, что мне разрешили общаться хотя бы с теми, кто в курсе – с Костей и Томом. Оба поправились. Том давно вернулся в строй, а бог техотсека тогда остался жив буквально чудом. Он ведь до последнего не уходил с кормы и впрямь нахватался излучения. Ещё лет двадцать назад не откачали бы, но сегодняшняя медицина не подвела. Если бы не мои

друзья, наверное, давно бы спятил от одиночества.

Ну, не Робинзон я по своей сути. Без общества себе подобных сдохну или поеду крышей. Гришка, сопляк, даже на Пятницу не тянет. Да и попугай из него так себе. А беседы с психологами из Центра Космонавтики не похожи на живое общение. Это процесс, сходный с медицинскими процедурами. Правда, легче после него становилось редко.

На земной орбите мы будем через десять дней. Хорошо бы до того момента вспомнить, как я выглядел, пока был живым человеком. Что-то я стал забывать... самого себя. Это плохо. Это надо исправить. Не стоило пренебрегать голографическим образом. Тут психологи правы.

Раз я человек, то должен не только вести себя по-человечески, но и думать о себе как о человеке.

– Коррекция ноль три на полвторого. Выравниваемся... Миша, ау! Ты о чём думаешь?

– О вечном, – отшутился я. – Корректирую курс, выравниваю скорость.

– Если твою версию ИИ запустят в серию, ох, и намучаются пилоты. Не зевай. Мы не в дальнем космосе.

Гриша прав, на земной орбите зевать нельзя. Но если бы он вправду знал, о чём я думаю... Не поверил бы.

Я волновался, как никогда в жизни. Я хотел встречи с отцом и боялся её. Как он воспримет нашу встречу? А как я восприму? Не разойдёмся ли мы молча, не в состоянии сло-

ва друг другу сказать? Батя всегда видел меня, как стеклянного, насквозь. Тоже пилот. Пилот-орбитальник, до сих пор работает на сборке станций, хотя возраст даже для нашего благополучного в медицинском смысле времени солидный – семьдесят шесть. Крепкий он. Выглядит, как дед выглядел в полтинник... Интересно, каким образом он бы держался в моей ситуации?

Может быть, так же, но, скорее всего, куда достойнее. Он у меня такой... со всех сторон правильный.

Не то что я, избалованный сверхсовременной техникой и системами безопасности.

Меня – то есть корабль, мозгом которого мне выпало счастье работать – после разгрузки снова загонят в док. Якобы на профилактику и отладку экспериментального оборудования. На самом деле в моей душе снова будут копаться психологи, пытаясь понять, каково мне живётся в компьютере. Отец наверняка спросит о том же. Напрямую спросит, как он это умеет. Прямо и отвечу: хреново живётся. От бати-то что скрывать? Он, может, и не посоветует ничего – а ну-ка представьте себя на моём месте. Получится? Вот-вот. Даже у бати не получится, при всём его опыте. Но понять меня он сможет как никто другой. Если пожелает понять.

Костя организовал нам разговор на высшем уровне. Сам приволок к отцу мощный терминал с голографическим проектором, настроил связь. Показал, где что включать, и ушёл, как он выразился, «подышать свежим воздухом».

Я едва не перегрузил связи главного кластера, пока ждал этого звонка. Наверное, так теперь выглядит моё волнение.

Когда тихо тренькнул входящий звонок, на борту у меня никого не было. Гриша улетел на поверхность отмечать с друзьями очередное возвращение, грузчики со станции сделали своё дело и закрыли люки снаружи, а я не в счёт. Я и есть корабль.

Отец изменился за этот год. Сильно поседел. Пытается казаться спокойным, а лицо каменное. И глаза подозрительно блестят.

– Здравствуй, папа.

Он усмехается – одним уголком рта.

– Живой, значит.

– Ну, вроде как да.

– Хорошая голограмма.

– Я старался, па. Хотел выглядеть... как раньше.

Он отвёл взгляд и долго, очень долго молчал.

– Почему сразу не объявился? – спросил он.

– Не мог.

Снова жёсткая усмешка отца.

– Да уж... Прапрадед с войны без рук пришёл, тоже боялся своим объявиться... в таком виде. Хорошо, люди усовестили. А ты?

– А я вообще без всего, па. Я – грузовой корабль. Я даже на планету сесть не могу. Как думаешь, можно было в таком виде к вам с мамой явиться? К Инне, к Серёжке? Для той,

прежней жизни я действительно умер.

– Что, даже на поговорить тебя бы не хватило?

– Может, и хватило бы. Чтобы потом кластер начисто отформатировать. Мыло и верёвка, к сожалению, не мой случай.

– Хм... А ведь ты такой дурак, что и впрямь в петлю полез бы, – отец внезапно смягчился. – Порода у нас с тобой такая, цельная. Не умеют Кошкины жить в усечённом виде. М-да... Но тебе придётся научиться.

– Я стараюсь, па. Очень стараюсь. Правда, иногда накатывает такая тоска, что хочется набубениться до синих чертей.

– Почему не зелёных?

– Синие круче.

– Поверю на слово. Значит, тоскливо тебе?

– Бывает, па. Таскаю руду и слитки, как последний трактор. Неделями с людьми не общаюсь, выть хочется. Пилот – ограниченный засранец. Одна радость – накачать новых книг, пока на орбите, и читать. Медленно, по-человечески, чтоб смаковать каждую страницу... Иногда так всё достаёт, что жить не хочется. О коньяке мечтаю. О большущей бочке. Помнишь, как в Массандре?..

– И не стыдно тебе, Мишка?

– ???

– Взрослый мужик, а скулишь, как... прости, господи, девчонка-малолетка. Пожалейте меня, несчастного... Ты живой, сынок. Ты для прежней жизни умер, но у тебя есть но-

вая жизнь. Пусть и в виде корабля. Ты душу человеческую сохранил, вот что главное... Плачется он... Радоваться надо. Я со дня похорон и не мечтал, что смогу однажды говорить с тобой... как раньше. А говорю. И рад этому. Догадайся, почему.

– Я... тоже тебя очень люблю, па.

– То-то же. Предложил бы сейчас хлопнуть по стопарику за встречу, да ты иззавидуешься... Да, твои к нам перебрались. У матери после похорон с сердцем плохо, а братец твой, сам знаешь, на дальних рубежах, бывает на Земле только в отпуске. И семья его там же, на рубежах. Полковник, видите ли... Словом, нам тут не скучно. Даже котяра твой здесь.

– Наверное, уже забыл меня, – я сам удивился, что смог, как раньше, грустно улыбнуться и говорить севшим голосом, скрывающим обычные слёзы. Прав батя: душу мне всё-таки сохранить удалось. Это должно радовать.

– Котяра-то, может, и забыл, – совершенно серьёзным тоном проговорил отец. – А для Инки и Серёги ты – живой. Цени, дурачок.

А это действительно ценно. То, что ты жив для тех, кого любишь.

– Ты им скажешь?

– Матери – не знаю. У неё здоровье никакое, боюсь, не выдержит. Инне скажу, чуть позже, когда сам как следует всё обмозгую. А внуку... когда подрастёт и сможет понять. Он-то в космос рвётся. Учёбу подтянул, спортом занялся. Гово-

рит, хочет быть пилотом. Как ты.

У меня нет горла, которое могло бы стиснуть от переживаний. Но есть чувства и есть память. Фантомная боль несуществующего тела.

Кажется, моя голограмма отразила это вполне достоверно.

– В двенадцать все мечтают о космосе, – сказал я, стараясь сдержаться, насколько это возможно.

– В *тринадцать*, Миша. Ему уже тринадцать, и ты для него герой.

– Блин... Вот что значит – год не быть дома.

– Ничего, наверстаешь. Только в порядок себя приведи. Видел бы ты себя сейчас, герой хренов. Ньюни распустил. Ты бы лучше о своих новых возможностях подумал. Чёрт, да пилоты и сейчас даже не мечтают о том, что можешь ты.

– Зато не могу многое из того, что мог раньше. Вот, хоть бы и выпить по стопарику.

– Ну и хрен с ним, со стопариком. Здоровье дороже. Короче, сын, кончай себя жалеть и продуй дюзы. Нужна будет помощь – обращайся, помогу. Хочешь, поговорю с кем надо, тебя с грузовика на пассажирский переведут?

– Вот на пассажирский не надо, – нахмурился я.

– Комплексы?

– Да. И надолго.

– На военный тебя могут не взять.

– А могут и взять. Я ведь служил в погранохране.

– Это было давно и неправда.

– Па, я сам буду просить о переводе. В самом деле, достало камни таскать. Только бы не засунули в какой-нибудь институт. Я же там загнусь. Уж лучше быть привидением-головаграммой на борту... Быть хранителем корабля.

– Домовым, что ли?

– Да уж скорее бортовым, – усмехаюсь. – Но это хотя бы похоже на жизнь. Я постараюсь им это объяснить. Должны понять.

– ...Вы хоть понимаете, что наделали? Вы сотворили с ним самое худшее, что только возможно – лишили полноценного общения с людьми и прежнего пространства... Грош цена вашим дипломам, вы, олухи!

– Он проходил по программе с высоким уровнем секретности, и мы...

– И вы засунули пилота-дальнобоя на грузовик. Молодцы. Не могли сразу подключить военных? Нездоровая конкуренция между ведомствами разыграла? А о человеке вы подумали? Вы его чуть до самоубийства не довели!

– Мы не ожидали, что он отреагирует так остро. Случай уникальный, у нас попросту нет опыта в реабилитации таких... людей.

– А вы сомневаетесь в его человечности? Ведь сомневаетесь, по глазам вижу.

– Сомневался. Теперь – нет.

– Ладно. С вами мы ещё поговорим... в другом кабинете.

А пока подготовьте документы на его перевод. Он ведь полноценная личность со всеми гражданскими правами и обязанностями, не так ли? В каком качестве он у вас проходит – как ИИ или как пилот?

– Как пилот... Перевод, как я понимаю, в ваше ведомство.

– Куда же ещё. У нас есть неплохая вакансия. Как раз для него...

Я слеп и глух.

Кластер, в который намертво впаялась моя личность, снова перевозят. Но на этот раз я точно знаю, куда.

И впервые за год ожидание не тягостное. Мне легко и радостно от того, что я снова в деле.

«Арго» – новейший корабль. Почему он числился на балансе военного ведомства – догадайтесь с трёх раз. И почему я сам не пошёл в военную академию после службы, диву даюсь. Предпочёл гражданскую службу. Наверное, насмотрелся, как братец с женой и детьми по дальним планетам мыкался. Что ж, теперь тоже натаסקаюсь по дальним рубежам. И плевать, что у меня вместо человеческого тела будет воплощённая концентрация самых передовых земных и неземных технологий. Мы, пилоты, в массе своей люди верующие. Я, например, теперь точно знаю, что есть жизнь после смерти. Но если подавляющее большинство людей, переступив за черту, отправляются в неведомые живым пространства, именуемые раем и адом, то меня зачем-то придержали в этом

мире. Зачем? Бог весть. Наверное, кому-то и для чего-то ещё нужен, пусть и в виде хранителя космического корабля.

Бортового.

Между прочим, «комутонужность» – очень сильная мотивация. По крайней мере, для меня лично.

Я не нуждался в отдыхе, но, пока спецы монтировали кластер, позволил себе пару часов самого настоящего сна. Правда, мне ничего не приснилось, или я попросту забыл свой сон по пробуждении. Зато радостное предчувствие меня не обмануло. Едва техники замкнули на меня все корабельные системы, первым, кого я узрел своими камерами, была до боли знакомая рожа.

– Том, – сказал я, не веря своим видеокамерам. – Это ты, реднек несчастный?

– Здорово, crazy Russian, – Том заулыбался во все тридцать два зуба – увидел на голоэкране мою потрясённую физиономию. – Живучий ты, аж противно. Я уж думал, тебя яйцеголовые уморили в своих институтах.

– Не дождёшься, – хмыкнул я, начиная верить в реальность происходящего. – Ты зачем патлы и бороду отрастил, пиндос? Не по уставу.

– Да клали мы на устав, – заржал Том. – Ты ещё не понял, куда нас засунули?

– Просвети.

– Разведка дальнего космоса мы теперь. Офигеть как круто, сечёшь?

– Круче вареных яиц, ты прав...

Выделив для разговора с Томом часть сознания, всеми прочими частями я пытался переварить услышанное. Разведка дальнего космоса. Познание неизведанного. Новые открытия и опасности.

То, о чём я и мечтать не смел.

Миллионы людей боятся неведомого, и я их понимаю. Есть множество таких же ушибленных на всю голову, как мой отец, как мы с Томом, или Костик, которых хлебом не корми, дай «заглянуть за край». Но человек – существо хрупкое и ранимое, убедился, можно сказать, на своей шкуре. Каждый шаг по неизведанным пространствам даётся нам, людям, буквально с кровью.

Я и сейчас человек, но уже с нечеловеческими возможностями. А это уже неплохой аргумент в споре с неведомым, и солидный козырь в играх с судьбой, где на кону жизнь экипажа.

Господи боже мой, если ради этого ты сохранил меня – спасибо.

Будем жить!

Homo navis

Что такое цивилизация?

Единого для всех ответа не существует.

Для нас, людей, это продвинутая техника, полёты в космос и система коммуникаций. Для наиболее близких к нам чуланцев – сочетание технологий и форм жизни. Для некоторых других рас, например, тоу, цивилизация – это эволюция общественных отношений, всё остальное вторично. В Содружестве есть планеты, населённые чисто биологическими цивилизациями, сделавшими ставку на управление природными процессами не посредством механизмов, а с помощью собственной психосоматики. Они, конечно, в космос тоже летают, но исключительно на кораблях других рас... Ходят упорные слухи, будто исследователи Содружества в своё время наткнулись на энергетические формы жизни, но встречи эти были таковы, что мало кто выжил. Если принять на веру упомянутые легенды, то у тех энергетических существ тоже есть свои представления о том, что такое цивилизация. Весьма отличные от наших.

Единственный общий знаменатель у всех этих разнообразных представлений – изменение окружающего пространства, тем или иным способом. И возможности у всех разные.

Это я к тому, что теперь мои возможности не идут ни в какое сравнение с возможностями человека. Но, полагаю ру-

ку на сердце, никому бы не пожелал оказаться на моём месте.

Положа руку на сердце...

Раньше меня огорчали эти речевые обороты, напоминая, к примеру, что сердца в биологическом смысле у меня больше нет. Сейчас от них становится тепло на душе. Эти простенькие речевые обороты не дают мне забыть, кто я такой, озлобиться на весь мир и судьбу, отнявшую у меня нормальную человеческую жизнь. Они напоминают, что взамен отнятого мне дано то, о чём другие и не мечтают.

Я – корабль дальней разведки. Моими глазами-видеокамерами смотрят на далёкие звёзды учёные Содружества. Я никогда не посягал быть научным светилом, но мои наблюдения на вес золота. Почему? Потому что я первый, у кого вместо органов чувств – сенсоры с широчайшим диапазоном восприятия. Я вижу и слышу намного больше, чем обычный пилот, и могу не пользоваться инверторами, из-за которых неизбежно теряется часть информации. Порой – бесценная часть.

Вы будете смеяться, но половина наших умников со станции мне завидует... Нет, в самом деле, к этому бы кораблю да мозги учёного, а не пилота. Было бы больше толку.

– Миша, время.

– Час семнадцать минут одиннадцать секунд от контакта.

– Час семнадцать минут. Всего лишь час с хвостиком... А ведь там была примитивная жизнь. Вода, атмосфера... Нуу

shit, там же ни один микроб не выжил.

– Катастрофы планетарного масштаба не так редки, как вы думаете. Мы относимся к этому явлению философски. Но... Должен согласиться, зрелище это величественное и пугающее.

– Даже тебя проняло, Вуур? М-да...

Висящий в пространстве сгусток расплавленного до белого свечения камня. Шаром это было сложно назвать: на одном его боку вспухла и, не желая опадать, неслась по новообразованному экватору гигантская, высотой чуть не в треть диаметра, раскалённая волна. А вокруг планеты, величественно погружаясь в кипящую магму, плыли пылающие алым свечением обломки столкновения размером с континент. Трудно поверить, что чуть больше часа назад это был юный мир с едва народившейся жизнью, что вместо бурлящего ада там расстилался безбрежный мелководный океан, испещрённый архипелагами островов.

Если верна теория наших учёных, однажды ровно то же самое произошло с Землёй. И если раньше это не укладывалось в моей голове из-за масштабов события, то теперь, рассмотревшись лично, поверил сразу и бесповоротно.

Почти все мои боты, запущенные к планете, погибли, уничтоженные ударами бесчисленных осколков столкновения двух молодых планет, но я до последнего получал с них данные, которые наша учёная братия на станции с руками оторвёт. Чего стоила одна только картинка, снятая с поверхно-

сти водной планеты... Медленное – из-за гигантских масштабов, реальная скорость там была ого-го – приближение тёмного, испятнанного лавовыми полями, шара, постепенно заслоняющего вечернее зелёное небо. Вспухающий горб воды, вытягивающейся навстречу незваному гостю. Затем, словно понимая, что водяным щитом не заслониться, потянулась вверх, лопаясь, исходя лавой и яростно шипящим паром, тонкая ещё кора планеты. Но пришельца невозможно было остановить. На его поверхности поднялся точно такой же приливной горб тонкой коры, из-под которой сквозь новые и новые трещины била магма. В какой-то момент фонтаны расплавленной породы образовали фантастические раскалённые кружева, на недолгие секунды зависшие в тонкой компенсационной прослойке между гравитационными полями обеих планет. Потом туда же устремилась верхушка исполинской водяной волны, огонь и вода породили облака пара, в которых за секунды до столкновения родилась невероятная, гигантская, нереально яркая двойная радуга. Это зрелище потрясло меня сильнее всего... Наконец чёрная базальтовая поверхность пришельца за считанные мгновения преодолела атмосферу, и...

Объекты столкнулись не в лоб, а вскользь, по касательной, но и этого им хватило с головой. Чёрный планетоид размером чуть побольше Луны врезался в планету размером чуть меньше Венеры. Обе полностью расплавились, слипшись в один горячий ком, вокруг которого теперь неслась сплю-

ценная в диск масса таких же горячих обломков. Вот один из них, действительно величиной с земной материк, с величественной медлительностью поплыл вниз, к поверхности, с которой ещё был связан тонкой – всего лишь в пару сотен километров – «пуповиной» жидкого камня. И рухнул позади космических размеров цунами из расплавленной смеси камня и металлов, довершавшей первый круг. Что лишь добавило хаоса на несчастной планете.

– Что с магнитным полем?

– Свистопляска. Магнитометры с ума сходят. И вообще, пора отойти подальше, мы в зоне поражения.

– Понял. Уходим.

– Экипаж, по местам. Двухминутная готовность.

«Арго» выходил из набитого неприятностями планетного диска молодой системы, словно поднимаясь над ним. Экипаж подавленно молчал: гибель целого мира, пусть даже населённого примитивными бактериями, действовала угнетающе, и не только на людей. Чуланец Вуур, наш медик и биолог, тоже впал в задумчивость. Размышления о хрупкости жизни перед лицом космоса с его грандиозными явлениями, впрочем, охватили всех. Даже меня. Явственное осознание своей малости, оно, знаете ли, весьма неприятно для самолюбия. Вселенная словно говорит нам: «Вы там, конечно, можете о себе думать что угодно, но не забывайте: есть вещи и явления, с которыми вам ничего не поделать».

Наверное, нам и вправду стоит почаще получать такие

щелчки по носу, чтобы не задавались и не делали глупых ошибок.

«Арго» висел в пространстве, «приподнявшись» над системой на две с небольшим астрономических единицы. Пока моё «расчётное» ядро занималось первичной обработкой массива данных, пока системы корабля клепали новые боты взамен утраченных, экипаж постепенно приходил в себя и осмысливал увиденное. Я оправился раньше всех, возможно, потому, что был занят делом. На обратном пути у ребят будет полно работы, а сейчас пусть немного отдохнут и подумают. Это всем полезно.

Наше знакомство на базе космофлота прошло совершенно буднично. Тома, этого реднека-матерщинника, я знал не первый год. Тна Вуур оказался тем самым медиком с чуланского спасателя, который вытащил меня... то есть квантовый кластер с моей личностью с разбитого «Меркурия». За год он так прожужжал уши командованию флотов обеих планет ответственностью за мою жизнь, что его просьбу наконец-то удовлетворили, отправив на «Арго». Теперь этот зануда изводил меня постоянными расспросами и раскопками в файлах моей медицинской истории. Я, мол, в твою судьбу вмешался, и теперь в ответе за всё, что ты можешь натворить. Хороший стимул вести себя прилично, кстати. Иначе чуланец всю плешь прогрызёт наставлениями... Прочих до этого полёта я не знал. Маркуса, главтехника, взяли по рекомен-

дации Кости – однокурсник, хороший спец, всё такое. Файлы двух его коллег-технарей пришлось выискивать во внутренней сети базы. Братья-близнецы Итиро и Таро до перевода на мой борт служили на военном корабле. На каком – не было упомянуто даже в тех файлах, но награды у обоих наводили на размышления. Мелкорослые, щуплые, немногословные японцы и жилистый немец из Гамбурга не были похожи на плакатных героев, призывающих молодёжь вступить в ряды военно-космических сил Земли. Зато они молча делали своё дело и не лезли мне в душу, в отличие от обоих учёных – немолодого уже астрофизика Виталия Петровича Щербакова и восходящую звезду планетологии Эрнеста Ромашкина. Если Виталий Петрович, живая легенда учёного мира, был эдаким шаблонным профессором – седоватым дядечкой в старомодных очках, «живчиком» с шилом в одном месте и закоренелым фанатиком своего дела – то Эрнеста стоит описать особо. Именем его одарила мама-немка, внешностью – отец, чемпион Евразии по боксу в супертяжёлом весе. От кого из родителей ему достались уникальные мозги, пусть генетики гадают, но этот тридцатилетний двухметровый громила с вечно хмурым лицом был одним из умнейших людей Земли. И если астрофизик просто заваливал меня массой вопросов, то этот помалкивал и делал какие-то свои выводы.

– Том, – я как-то подловил момент, когда выпала возможность поговорить со старым другом без свидетелей. – Кому

из экипажа известно, кто я такой?

– Мне и доктору, – неохотно ответил он. – Что-то не так?

– Блин... Эти вояки со своей секретностью...

– Уймись, Майк, им впарили лажу про новое поколение ИИ, с личностными характеристиками конкретных людей. Привыкай, у военных своя шиза, ничуть не лучше нашей.

– Том, у нас на борту два интеллектуала. Если они захотят докопаться до правды – докопаются. Вычислят, файлы стянут, кого-то разговорят – неважно. Может, менее геморройно было бы взять с них подписку о неразглашении?

– Это ты мне говоришь? Это ты большим погонам скажи, умник, а я поржу с твоей наивности. Забыл, с кем связался?

– Да уж. Там, где рулят вояки, нормальная логика не работает...

Пришлось смириться, виртуально стиснув зубы, и всю дорогу прикидываться продвинутым искусственным интеллектом «с личностными характеристиками». Характер у меня и без того... сложный, а необходимость играть в эти игры вообще превратила его в редкостный «подарочек». Спасала лишь выдержка, без которой пилотом не стать, да ещё, наверное, страх «поехать крышей». И всё было бы замечательно, если бы не подготовка к наблюдению за столкновением планет. С чего я так распереживался, одному Всевышнему ведомо. Но за несколько дней, что мы крутились неподалёку от обречённой планеты, я совершил, кажется, все мыслимые ошибки. Разволновался, как первокурсник, стал вопро-

сы задавать – ах, почему меньшая планета оказалась «троянской»², ах, что могло её выбить из устойчивого положения... Любопытство, как говорят англичане – кошачья смерть. Забыл о своей роли, и мгновенно получил ответку в виде не совсем здорового интереса к моей персоне.

Ладно, перемелется – мука будет. Вопрос о моей секретности я ещё подниму, дайте срок. Мы косморазведка. Экипаж и на пассажирском лайнере – это почти семья, а здесь и подавно не должно быть недоверия друг к другу. Нам интересное в дальнем космосе выискивать надо, а не друг за дружкой шпионить.

– Геологам тут делать нечего, – подытожил Эрнест. – Планеты молодые, корка тоненькая, по составу и структуре натуральные хондриты. Этого добра и в Солнечной системе полно. Полезные ископаемые ещё не успели сформироваться. А на этой планете и подавно, всё с нуля начинается. Метеоритного мусора тут тоже многовато. Миллиарда эдак через

² *Троянская планета* – планета, обращающаяся в кратной системе звёзд вокруг одного из спутников основной звезды, которым может являться другая менее массивная звезда-компаньон, например, карликовая звезда или массивный газовый гигант. При этом орбита планеты совпадает с орбитой второй звезды и располагается вблизи одной из двух точек Лагранжа L4 или L5, опережая или отставая от звезды на 60°. Такие планеты могут быть встречены среди экзопланет. В данном случае вторым телом системы выступает не звезда и не газовый гигант, а более массивная планета земного типа. Вероятно, «троянцы» широко распространены в молодых системах, где как правило на раннем этапе формирования образуется большое количество протопланет.

полтора лет можно будет что-то хорошее найти, но до этого светлого момента ещё дожить надо.

– Ясно. Мистер Щербаков, ваши выводы?

Вот умеет Том, когда надо, быть донельзя официальным. Он командир, согласно приказу. А я помалкиваю до поры до времени.

– Звезда интересная, в её спектре обнаружены линии циркония и, представьте себе, технеция, – Виктор Петрович, как обычно, немного засуетился, снял очки. – Если кто-то из вас не знает, технеций – радиоактивный элемент за номером сорок три, не имеющий стабильных изотопов. Вернее, самый стабильный изотоп с атомным весом девяносто восемь, у которого период полураспада более четырёх миллионов лет, но в данном случае наблюдаются спектральные линии изотопа девяносто девять, период полураспада которого чуть более двухсот тысяч лет. Но он не этим интересен, друзья мои! – дядя Витя широко улыбнулся и указал пальцем в потолок. – Этот изотоп – производное распада урана и плутония. Значит, мы имеем дело с системой, которая образовалась из продуктов взрыва чрезвычайно тяжёлой звезды второго поколения. Вероятно, планетоиды среднего пояса могут иметь повышенную концентрацию урана и трансурановых элементов, и потому не соглашусь с вами, молодой человек, – это уже Эрнесту. – Здесь есть что поискать, достаточно лишь составить диаграмму распределения элементов по поясам системы. Тогда мы будем знать, где копать. В одном мой моло-

дой коллега прав: метеоритная опасность может свести на нет привлекательность разработок.

– Мы изложим свои аргументы учёному совету, а там пусть решают, посылать сюда геологоразведку с оборудованием или нет, – сдержанно ответил Ромашкин.

– Вуур, ваше мнение как биолога? – Том сразу пресёк зарождающийся научный диспут. Это совет, а не лаборатория.

– Я взял образцы микрофауны планеты до столкновения, – спокойный, негромкий голос чуланца обладал свойством остужать любые горячие головы. – Отличия от наших или земных одноклеточных весьма существенны. У местных бактерий отсутствуют внутренние тельца или митохондрии, короткая цепочка ДНК, но при этом её спираль не двойная, а шестикратная. На планетах Содружества живых организмов с подобной ДНК не существует, и я не берусь предполагать, при каких условиях возникла такая структура. Это повышает научную ценность взятых образцов, тем более что их родная экосистема уничтожена.

– Майк, как насчёт материалов?

– Полный трюм, – ответил я. – Набрал до столкновения и наловил после. Лаборантам работы на несколько лет вперёд. Массив информации упакован. Съёмки в лучшем виде, до самого момента столкновения и немножко после. Кадры такие, что дух захватывает.

– То есть мы готовы к возвращению на базу, – Том произнёс это каким-то странным тоном – то ли утверждал, то ли

спрашивал.

– Да, – в один голос ответили учёные и чуланец.

– Не совсем, – сказал я. – Мы всё-таки убрались от места ДТП с небольшим опозданием, и поймали обшивкой парочку мелких обломков. Ничего смертельного, просто не хочу проходить туннель, имея проблемы на борту.

– За сколько ребята управятся?

– Думаю, суток нам хватит.

– Замечательно. А нам этого хватит, чтобы отоспаться, – хмыкнул Том. – Старт через двадцать четыре часа.

– Принято, командир, – я постарался сделать так, чтобы мою иронию расслышал и понял один Том. Удалось ли? Не знаю. Судя по тому, какими взглядами обменялись Виктор Петрович и Эрнест, артист из меня хреновый.

Я научился чувствовать корабль как собственное тело. Хотя нет. Сравнение с телом не совсем корректно. Я могу включить-выключить любую систему так же, как когда-то двигал руками и ногами – на вколоченных в подкорку реффлексах, не задумываясь над каждым шагом или жестом. Я чувствую переток энергии между реактором и системами, я ощущаю движение технологических жидкостей и циркуляцию воды в системе жизнеобеспечения, я точно знаю состав дыхательной смеси на борту и могу в любой момент его изменить. Я принимаю, перерабатываю и передаю огромный поток информации. Но я не чувствую боли

в прежнем смысле. Повреждение – да, чувствую. Насколько оно критично, оцениваю исходя из своих знаний, а не инстинктивно. А это минус, теряю время на оценку ситуации, когда важны даже тысячные доли секунды.

Словом, сейчас я похож на малыша, который только учится стоять на ножках и не падать. На здорового металлокомпозитного малыша с ядерным реактором на борту.

В полёте у меня никогда не было времени как следует поскучать. Ни раньше, когда я был человеком, ни теперь, когда стал кораблём. Космическая техника требует особого внимания и собранности, причём относится это не только к изделиям земных инженеров и корабелов. Вселенная не любит разгильдяев, доказано эволюцией.

Под моим контролем не только сенсоры, датчики и прочая машинерия. Я должен управлять массой мелких ремонтных ботов и несколькими крупными модулями. Один из них сейчас под моим чутким руководством латал крошечные дырочки от попаданий микроскопических обломков. Соблазнился идеей подойти поближе к сталкивающимся планетам, вот и получил. Теперь ремонтируюсь. Нам проблемы в полёте не нужны. Никакие. Ни большие, ни маленькие, ни даже микроскопические. Туннель – штука непредсказуемая. Можно спокойно пройти его с разнесённым в хлам бортом, а можно заполучить резонанс и разрушение обшивки при наличии

микротрещины. Собой я ещё мог бы рискнуть – понятно, почему, – но у меня на борту экипаж, за который я снова в ответе. Поэтому необходимо тридцать три раза проверить все системы и залатать дыры.

Кроме того, меня очень беспокоил один странный момент. Мало относящийся к технике...

Наверное, технари меня трижды по тридцать три раза мысленно прокляли: гонял я их в эти сутки до седьмого по-та. Том и вовсе обозвал меня чёртовым параноиком и квантовой задницей.

– На моём борту попрошу не выражаться, – я не удержался от иронии. – Особенно псевдонаучными терминами. Это ранит мою нежную душу.

– Да иди ты... – отмахнулся Том, плюхнувшись в пилотское кресло. Как он при этом ухитрился не расплескать кофе из своей литровой чашки, не знаю. – Скажи честно, тебе доставляет удовольствие нас изводить? Мы, знаешь ли, иногда спать хотим.

– На станции спите сколько влезет. А сейчас я хочу, чтобы мы все без приключений до неё добрались.

– Что, много дырок? – догадался Том.

– Ну... побольше, чем пара. Мелкие, поэтому искать трудно. Не волнуйся, уже заканчиваем. Стартуем вовремя.

– Раньше не мог сказать? Я бы отложил старт.

– Не мог.

– В чём дело?

– В моём кластере кто-то пытался покопаться. В ночную вахту, пока все спали. Или должны были спать. Не хочу давать этому типу время на попытаться ещё разок.

Том присвистнул.

– Неслабо, – сказал он, шумно отхлебнув из своей «сиротской» чашки. – «Пытался» – значит, ты серьёзно надавал ему по рукам?

– Ммм... Не совсем так.

– Слушай, Майк, кончай темнить. Из тебя каждое слово буксиром тянуть надо, что ли?

– Том, – признался я. – Честно говоря, я и сам до сих пор не врубился, что произошло тогда, на «Меркурии». В теории этого просто не могло произойти, но я здесь, в компе. Файлов и баз данных в обычном смысле у меня нет. У любого ИИ есть, а у меня нет. Я – это один громадный массив абракадабры, который, как ни странно, работает, и куча сопутствующих драйверов для управления системами. Меня целый год колупали, пока поняли... что ничего не поняли.

– То есть «кто-то» получил нехилый облом. Ты знаешь, кто?

– В том-то и дело, что нет.

– Не понял... – старый друг чуть кофею не подавился. Его здоровенный нос, едва не окунувшийся в ароматный напиток, почему-то вызывал у меня прочные ассоциации с индейским томагавком. – Ты хочешь сказать, что не смог зацепь, откуда было подключение?

– В том-то и дело, что не смог. Распределённый вход, «пчелиный рой». Это даже такой неуч, как я, знаю.

– Так... – вот это Тому не понравилось абсолютно. – Канал внешней связи все эти дни был в отрубке, да тут и поговорить толком не с кем – край географии. Входящих и исходящих сигналов ты не засекал... ведь не засекал, верно? Значит, засранец у нас на борту. Вот дерьмо... Блин, и все под подозрением. Кроме меня.

– Это ещё почему? – хмыкнул я.

– Да я ж тебя, психа хренова, и без того как облупленного знаю. Хотел бы слить инфу на сторону – давно бы слил.

– Чуланца тогда тоже вычёркиваем. Он, как и ты, в курсе, и тоже сто раз мог проболтаться. Секретность у них – понятие относительное.

– Чёрт его знает... Он врач, и мог попытаться поизучать тебя изнутри.

– Плохо ты чуланцев знаешь, Том. Ладно, проехали. Что думаешь насчёт умников и технарей? Эти могли?

– Мог любой из них. Квалификация позволяет.

– Вот именно. Потому-то я не люблю читать детективы, дружище. Короче, старт в назначенное время, даже если не все микродырки залатаем. Хотя я уверен, что справимся. Кто бы это ни был, второго шанса давать ему не хочу.

– Чёрт... Майк, скажи мне, почему ты на поверку всегда оказываешься прав? Где справедливость?

– Потому что я капитан. Де-факто. А капитан всегда прав.

Ну, а справедливость, Том, она как идеал – к ней можно стремиться всю жизнь.

– Терпеть не могу, когда тебе стукнет в башку пофилософствовать. Ладно, что делать-то будем, кэп?

– Для начала убери свою кофейную цистерну от консоли, она меня нервирует, – совершенно серьёзно сказал я. Электроника у нас вроде бы с защитой от таких неприятностей, но бережёного бог бережёт. – Я тут набросал расчёты по возможным точкам входа в туннель. Выбери наилучший маршрут, обсчитаю.

– Всё как в старые добрые времена, – рассмеялся Том, оставив, наконец, своё кофейное чудовище и нацепив обруч нейроинтерфейса. – Жизнь входит в привычную колею, и не скажу, что мне это не нравится... Что ж, Майк, за работу.

На борту «Арго» имелась кают-компания, но экипаж ею пользовался крайне редко.

Этот полёт был первым рабочим заданием, команду сформировали недавно, и мы ещё не успели притереться, привыкнуть к особенностям характера, узнать больше друг о друге. Хотя психологи произвели тщательный отбор претендентов на совместимость, всё равно оставалась некая прозрачная стена. Как между едва знакомыми людьми, соседями по салону, разговорившимися во время перелёта... Том не сразу понял, почему я не стал афишировать инцидент с попыткой несанкционированного входа в мою систему. Не только

для того, чтобы не спугнуть «кое-кого», но и для того, чтобы экипаж не начал коситься друг на друга. Вот уж чего я хотел бы в самую последнюю очередь, так это создать на борту атмосферу «Десяти негритят».

Поэтому общение происходило, если так можно выразиться, в штатном режиме. То есть почти исключительно по работе, никакой неформальной болтовни. Мы с Томом исключение – старые друзья и коллеги. А все прочие как воды в рот понабирали. Учёные-то ладно, засели в своих каютах за терминалами и работают. Технари после напряжённой смены валились с ног. Вуур отправил их спать до начала предстартового отсчёта и – единственный из нас – предавался культурному отдыху. Просматривал свежий фильм, посвящённый историческому наследию Египта. Его соотечественники вообще страдали повальным туризмом по музеям и библиотекам других планет, а наш доктор в частности фанател от земной культуры. Наверное, единственное, о чём мы с ним подолгу беседовали вне рабочих моментов, это наша литература. Тоже оказался любитель почитать на досуге. Как выяснилось, собственная культура у них была, и постарше нашей, но доминирующее на планете вероучение повелевало тщательно изучать, чем жили и живут те, с кем выпало соседствовать или дружить домами. Поговаривают, это и был корень их миролюбия, царившего на Чулане в последнюю тысячу лет. Нет, сказочными эльфами красно-розовые пушистые чуланцы не были. Незадолго до вступления Зем-

ли в Содружество на них кто-то напал. И мы до сих пор ничего не знаем о напавших: те, кому повезло выжить, убралась восвояси и больше ничем себя не проявляли, а чуланцы торжественно предали их забвению. Мол, незачем хранить в памяти имя негодяев, напавших из-за угла. У них слово «акку», обозначающее врагов, имеет и второй смысл: безымянные, неназываемые. А вот сам факт нападения и все подробности войны они помнят очень хорошо. Военная доктрина у них тоже есть, которую можно кратко сформулировать одной фразой из нашей истории: «Кто с мечом к нам придёт...» Зато любой, кто не пытается их убить, обмануть или ограбить, автоматически расценивается как друг, и его культуру следует хорошенько изучить, чтобы избежать непонимания.

Итак, учёные работают в своих каютах, техники дрыхнут в своих, Том в рубке, с помощью нейроинтерфейса прокладывает курс к точке входа – при этом ухитряясь жевать сосиски в тесте и запивать неизменным кофе. Вуур наслаждается фресками храма фараона Сети Первого. Все семеро довольно далеко от грузового отсека. Во всяком случае, должны быть: по инструкции сканировать маячки членов экипажа я могу, но только в нештатной ситуации. А в грузовом отсеке...

А в грузовом отсеке один за одним тихонечко отключаются сенсоры.

Стоп. Я им такой команды не давал.

Попытался включить периферию. Один сигнал, другой...

Щас.

Это я понятия не имею, какая зараза пытается тут рулить вместо меня. А упомянутая зараза засекала мои попытки вернуть контроль над отсеком и... отключила его периметр одним махом.

«Том! – завопил я по нейросвязи. – Аврал, отрубился грузовой отсек!»

«Как это – отрубился? Сам, что ли?» – ответил ошарашенный пилот.

«Нет, ему помогли. Тревога, второй уровень!»

«Есть тревога, второй уровень».

Второй уровень в нашем случае – это то же, что и первый, но без завывающей сирены и бегающих по коридорам членов экипажа. «Тихая» тревога, так сказать. Система безопасности корабля приводится в действие без лишнего шума, мгновенно меняются коды и повышается уровень доступа к жизненно важным системам корабля. Так что контроль над сенсорами трюма я восстановил, но только для того, чтобы выяснить крайне неприятную вещь. За те немногие мгновения, что прошли между обнаружением вмешательства и восстановлением контроля, кто-то ухитрился-таки открыть там грузовой шлюз. В прямом смысле слова открыть, не просто запорный рычаг повернуть.

«Разгерметизация грузового отсека. Закрываю шлюз, – по пилотской привычке, вколоченной вот уж действительно на уровень подковки, я сопровождал свои действия мысленным

отчётом Тому – оба пилота должны работать в связке, это закон выживания корабля. – Проверь пространство около корабля, мало ли что... или кто мог вылететь в тот шлюз, а я пока пощупаю трюм. Наш хакер может быть ещё там».

Да. Он там. Инфракрасных отсветов, свидетельствующих о наличии живого теплокровного организма, не вижу, но их и не должно быть. Раз «некто» для каких-то своих целей разгерметизировал отсек, значит, он как минимум в лёгком планетарном скафандре. А как максимум в жёстком вакуумном. От микрофонов, пока в отсеке давление не нормализуется, тоже толку мало. Остаются широкодиапазонные «глаза» микроскопических видеокамер, способные видеть даже в рентгене. Но в трюме, заставленном разнообразными контейнерами, обзор сами понимаете, какой. Даже для меня. Даже с камер на потолке.

Разумеется, сигналы с личных маячков членов экипажа я отследил чуть ли не первым делом. Но это ещё ни о чём не говорит. Маячок – многофункциональный браслет, снять его дело пары секунд... Чёрт, давно пора переходить на отслеживание биологических объектов...

Я успел уловить странное движение... нет, пожалуй, даже – тень движения. Датчики уловили крохотное, на грани чувствительности, возмущение электромагнитных полей. Словно кошка пробежала. Но в этот момент ожил нейроинтерфейс Тома.

«Там какая-то хрень трётся около обшивки на корме.

На камень не похоже».

«Возьми внешний рембот и поймай».

«Выполняю. Как твои успехи?»

«Кажется, я его засёк. Забился между контейнерами, сидит тихо».

«Смог его идентифицировать?»

«Маячка на нём нет, и представиться он не пожелал».

«Невежливый какой... Хотел бы я знать, какого рожна он там сидит, не уходит».

«Он знает, что мы в курсе, и будем его ловить. Мог и сюрприз приготовить».

При мысли о «сюрпризе» от таинственного незнакомца мне на миг стало не по себе. А потом... Внезапно мозаика из разрозненных, небрежно рассыпанных чьей-то рукой куточков вдруг сложилась единственно правильным образом.

И я, мысленно сказав одно, но ёмкое матерное слово, перекинул энергопоток на носовые маневровые движки.

«Управление – второму пилоту».

«Управление принял», – куда только девается раздолбайство Тома в критические моменты, непонятно. Но все вопросы будут заданы. Потом.

«Полный назад, разворот минус двадцать по всем плоскостям».

«Есть разворот минус двадцать по всем плоскостям».

Рембот. Маленький ремонтный аппарат для работ на обшивке, не требующих обязательного присутствия человека.

Комок металла и композитов, снабжённый долгоиграющей атомной батареей, модулем связи и набором инструментов от лазерного резака до допотопных отвёрток. Теперь он тоже часть меня, как те исследовательские зонды, что записывали гибель планеты. И у него – то есть у меня – весьма конкретная задача.

Судя по тому, как начал действовать Том, он тоже понял, с чем мы имеем дело. «Арго», сперва «провалившись» кормой, начал разворачиваться носом к...

Да. Теперь, когда я вижу «хрень» камерами рембота, приближающегося к оной, сомнений больше никаких.

Мина. Обыкновенная армейская противодесантная мина, правда, без маскировки, но на боевом взводе. Ячеистый тёмно-серый шар с насаженным на него матовым «тубусом» мазера. Такими минами, обычно закамуфлированными под обычные хондриты, космический мусор или безобидные бакены, ограждают себя в космосе военные базы. Их цель – двигатели и энергосистемы десантных шлюпов. Наводка идёт по электромагнитному полю реакторов, после чего инициируется подрыв ядерного заряда внутри шара – и значительная часть энергии взрыва преобразуется в тонкий пучок когерентного рентгеновского излучения. Не хотел бы я, чтобы этот милый лучик врезал по моей корме... Есть мины и посерьёзнее, но там и габариты соответствующие, и маскировка получше, и цели посolidнее. Но мы – научно-исследовательская экспедиция, чёрт вас подери! Какая сволочь про-

ташила на борт армейскую мину? И зачем?

Мы не десантный шлюп, «Арго» всё-таки чуток побольше будет, почти с эсминец ростом. Но и защиты у нас на порядок меньше. А если мина сработает штатно и разнесёт маршевые двигатели, то застрянем мы здесь всерьёз и надолго.

Зачем это?

Единственный шанс хоть как-то уберечься от серьёзных повреждений – это развернуться носом к мине. Она не сработает, как мазер, не наведясь на реактор, и не взорвётся, как атомный фугас, если мы не напоремся на неё бортом. Но у этой дьявольской штуковины есть ещё один механизм подрыва.

Дистанционный. Кнопочкой.

Если этот урод в трюме поймёт, что мы маневрируем, или, того проще, посмотрит на часы – а взрыва-то и нет, – кнопка будет нажата с вероятностью в сто процентов.

Создать помехи? Не получится, сам ослепну. Поднять магнитное поле, которым мы обычно защищаемся от потока заряженных частиц? Мазер может сработать, бог его знает, на какие профили он настроен. Остаётся лишь держать рембот строго между «Арго» и миной. Щит из него несерьёзный, но другого у меня нет.

Беззвучная вспышка осветила борт в тот момент, когда до заданного положения – носом к мине – оставалось градусов пятнадцать... Преимущество квантовых мозгов в том, что они соображают быстрее обычных. Неладное первым засёк

рембот. Мне не нужно было долго думать, что бы это значило – я попросту скомандовал роботу полный вперёд и одновременно включил магнитное поле.

Это было... больно. Именно так. Вспышка, электромагнитный импульс, хлестнувший по моим системам... Кажется, я выматерился. Не помню. Зато помню, как сработала автоматика аварийной системы – штатная-то вырубилась, вместе с четвертью меня. Помню, как Том скомандовал про тревогу первого уровня и дыхательные маски. И – что меня даже удивило – помню, как в трюме из узкого пространства между ящиками вылетели два цилиндра, тут же изошедшие плотной дымовой завесой. Потом я почувствовал, как открылся – вернее, был выбит небольшим направленным взрывом – люк между грузовым отсеком и техническим коридором... Ушёл. Всё-таки он ушёл, воспользовавшись суматохой.

Кто он? И какого чёрта пытался меня обездвигить?

Окончательно я очухался лишь через пару минут, когда трём четвертям моих систем, оставшимся работоспособными, удалось-таки запустить штатную систему управления. Слава богу, электроника не сгорела, только вырубилась от перегруза. А напуганный экипаж в полном составе собрался в рубке.

Итиро и Таро Мацунори.

Маркус Нойман.

Эрнест Ромашкин.

Виктор Щербаков.

Тна Вуур, личное имя Арнрит.

Том Бэйнс.

Кто из них?

Кто?

И – зачем?

Не думал, что хоть раз в жизни произнесу, пусть даже мысленно, эти слова.

«Мне сейчас не до звёзд и планет...»

– Повреждения серьёзные?

– Не очень. Движки целы, обшивку кое-где покоцало – это легко устранимо. Плохо другое: трансмиттер сдох.

– То есть мы остались без дальней связи? С чего это вдруг?

– Спроси что-нибудь полегче, Том. Механических повреждений нет. Значит, либо его угробило электромагнитным импульсом, либо у кого-то на станции руки кривые. Выясню.

– Но двигаться-то мы можем? – встрял Виктор Петрович. – Наш полёт был чрезвычайно удачным... если не считать последнего инцидента. Мы везём бесценные данные о формировании планет, и научный мир...

– Простите, коллега, но научный мир ждал наши данные четыре с половиной миллиарда лет. Лишний день или другой роли не сыграют, – со своим фирменным мрачноватым юморком проговорил Эрнест.

– Мы стартуем в срок, – заявил Том. – Это не обсуждается.

– Но повреждение корпуса...

– Подлатаемся. Время ещё есть. Но стартуем мы в срок.

– Опять пахать как проклятым... – буркнул Маркус. Технари плохо выспались и после ударной вчерашней смены выглядели неважно. – Том, с тебя лишний отгул.

– Вернёмся – гуляй. А пока все по местам и за работу.

Настроение у экипажа было понятно какое, и все без исключения вели себя вполне логично. Но кто-то из них был в трюме. Кто-то из них пытался вывести из строя маршевый двигатель... Лёгкий скафандр нашли у выбитого люка, в коридоре. Попытки обнаружить следы ДНК ни к чему не привели: этот кто-то хорошо подготовился. Причём основательно. Противодесантную мину в кармане на борт не пронесёшь. Зато в контейнерах с научными зондами различного назначения и формы – запросто. В разобранном на две или даже три части виде, например. Даже ядерная начинка мины – это не реактор, а бомба, которую в деактивированном состоянии и при неповреждённой оболочке хрен обнаружишь. Фонить она будет не больше любого прибора. А всё это... непотребство может означать только одно: некто был настолько заинтересован задержать «Арго» на этом, как выразился Том, краю географии, что провернул целую операцию по внедрению своего человека в экипаж. Или вербовке, невелика разница. Снабдил миной, какими-нибудь электронными «примочками», инструкцией, кодами связи. Это, в свою очередь, наводило на грустные мысли о возможных

сообщниках на станции и, может быть, даже на Земле.

Вот цель заговорщиков оставалась до сих пор неясна. Плохо. Знать бы, зачем это затеяли, полдела было бы сделано.

Может быть, дело было в чувствительной «пятой точке», не знаю. Но я подбросил наживку, а Том, умница, подыграл и ограничил время. Теперь наш противник вынужден играть в цейтноте. Более того, мы теперь знаем, куда он придёт. Остаётся организовать засаду.

– Нас хотели задержать здесь, – Вуур, в отличие от остальных, не покинул рубку и не отправился в медотсек. – В неисследованном секторе, вдали от транспортных узлов и пограничных баз. Тому, кто организовал диверсию, что-то нужно от одного из нас. Неважно, что именно – служба, предмет или информация. Это что-то весьма ценно для него, иначе нет смысла стараться. Но... я теряюсь в догадках, – чуланец совершенно по-человечески развёл руками. Шестипалые изящные кисти при этом сложились «лодочками»: признак недоумения. – Что касается меня, то я не являюсь носителем государственных тайн своей планеты и не имею допуска к жизненно важным земным секретам.

– Предлагаешь подумать, кто бы мог так заинтересовать наших... эээ... оппонентов? – криво усмехнулся Том. – Ну, допустим, пилоты первого класса на дороге не валяются. И к секретам я допущен. К некоторым. На станции таких, как я, ещё человек двадцать.

– Быть может, учёные...

– Вот это теплее, дружище. Фиг его знает, что наши умники хранят в черепных коробках.

Это верно. Учёные такого уровня обязательно что-то эдакое, да знают. Насчёт Виктора Петровича не поручусь, но скрытный Эрнест не только у меня вызывал подозрения в работе на какой-нибудь сверхсекретный научный отдел при генштабе. Вообще-то, именно Ромашкина я подозревал в попытке покопаться в моём ядре. Есть в его характеристике любопытный пунктик – любовь к компьютерным ребусам и пара взломов закрытых ресурсов на спор во время учёбы. Гений с внешностью трактирного вышибалы из исторического фильма самоутверждался в юные годы таким эксцентрическим образом. Мог потихоньку хакнуть меня из чистого любопытства, подметив несвойственные обычному ИИ черты характера... Но если это не он, а наш диверсант? Тогда что?

– Нужно вспомнить, что наша миссия уникальна. Пока, во всяком случае. «Арго» тоже уникален. В нём использованы такие технологии, которые ещё не скоро появятся даже на военных кораблях, – продолжал развивать свою мысль чуланец. – Если бы некто враждебный пожелал ими завладеть, то...

– Вуур, – перебил его я.

– Простите, капитан. Я сказал что-то не так?

– Нет, Вуур. Вы совершенно правы, – озарение, между прочим, могло бы снизойти на меня и пораньше. – «Арго»

уникален. Технологии продвинутые. А управляет этим уникальным кораблём уникальный компьютер.

– Вот задница... – Том хлопнул себя по лбу. – Нет, я конченный дебил. Shit, Майк, я всю дорогу воспринимал и воспринимаю тебя как человека! А надо было, блин, пошевелить извилинами и допереть, что для кого-то ты – самый неповторимый калькулятор Земли!

– Не кричи. Я сам хорош, – повинную голову меч, как известно, не сечёт. – До меня только сейчас дошло.

– Дошло до тебя, да? И то, что ты – единственный комп Содружества, который можно шантажировать, тоже дошло, или нет?

– Простите, что это – «шантажировать»? – удивление Ву-ура не дало мне как следует прочувствовать слова Тома и испугаться по-настоящему.

– Заставить служить, угрожая жизни родственников или обещая разгласить какие-то личные секреты, – надеюсь, мой голос не дрогнул. Очень на это надеюсь. – Страшных тайн у меня нет, но семья...

– В нашей культуре нет сходного понятия, но я искренне надеюсь, что до этого не дойдёт, – тихо проговорил чуланец.

Семья. Отец и мать, Инна с Серёжей, брат с женой и дочками.

У нас на Земле не рай, конечно, всякое случается. Но за последние полтора ста лет убийства стали чрезвычайным происшествием, а слово «шантаж» ушло в словарный за-

пас военных, которым двадцать восемь лет назад пришлось иметь дело с настоящим врагом. Победили мы тогда не только благодаря нашей доблести. Нам на помощь пришла вся история человеческой подлости и мерзости, и даже сволочная сущность хебеаров этому не оправдание. Совсем недавно, и не от человека, я узнал, что Землю приняли в Содружество, зная о планах этой агрессивной расы. Нас попросту пожалели, сочли, что не безнадёжны. Помогли отбить первый натиск, ну, а дальше мы уже сами управились – призвав на помощь весь свой немаленький опыт смертоубийства и предательства. С хебеарами у нас сейчас ни войны, ни мира: переговоров они принципиально не велят, не считая людей достойными оных, а сил, чтобы нас сломать, у них уже нет. Мы отрастили острые клыки. Мы настроили боевых кораблей, наделали смертельных штук, мы не позволяем этой расе космической саранчи высунуться за пределы их сектора и выжирать до косточек населённые планеты. Но какими методами мы действуем... Наверное, поэтому военные секретят каждый свой шаг.

Есть ещё одна категория... землян, для которой слово «шантаж» не является анахронизмом. И если здесь замешаны они, то лучше нам быть предельно осторожными.

До старта меньше трёх часов.

Управимся? Или наш неведомый недоброжелатель предпочтёт затаиться до возвращения на станцию?

Вызов был беззвучным, по нейросвязи.

«Слушаю, Эрнест».

«Миша, могу я поговорить с тобой без свидетелей?»

«Этот канал закрытый, мы можем говорить спокойно».

«Я имел в виду – с глазу на глаз. Голографический проектор у моего терминала хороший».

«Хорошо».

И вправду хорошо. Не нужно выходить из рубки, вышагивать по коридору, ждать, пока откроется дверь. Пожелал – и вот он я, почти как живой, сижу напротив нашего сумрачного гения.

– Ты хотел приватного разговора, – напомнил я, изобразив себя, с удобством расположившегося в кресле. – Я готов.

– Это я влез в твой кластер, – сходу заявил Эрнест. – Признаюсь чистосердечно, чтобы не было недомолвок и подозрений.

– Зачем?

– Хотел узнать, что ты собой представляешь.

– Узнал?

– Начал догадываться. А сейчас получил подтверждение своим догадкам.

– С этого места поподробнее, пожалуйста. О чём ты догадался и что за подтверждение?

Я, как видишь, любопытен не меньше тебя.

– Зря ты так, – грубоватое лицо Эрнеста словно трещина

расколола. Это он улыбался. – ИИ последних модификаций способны к обучению. В новейшие разработки могли всунуть и личностные характеристики реальных людей. Но ни одна модификация ИИ не способна лгать. А ты за прошедшие сутки солгал дважды. Первый раз – когда сказал, что дырочки в корпусе мизерные, и их всего-то пара штук. Я проверил, не подтвердилось. И тогда полез в твои файлы. А там полнейшая бредятина, я с таким шифрованием в первый раз сталкиваюсь.

– Ну, а второй раз я соврал буквально сейчас, – я усмехнулся. – Надо полагать, в рубке, когда все были в сборе. Кстати, какой у тебя уровень допуска? Я имею в виду – настоящий, а не тот, что указан в личной карте.

– Прозрачный.

– Ого. Теперь понятно, как ты обошёл защиту.

– Надеюсь, тебе понятно и другое – я проверил работоспособность систем, как только вернулся в каюту.

– И?..

– Я бы ничего тебе не сказал, Миша, если бы не эта хрень с диверсией. Тут уже шуточки заканчиваются. Сейчас либо мы работаем вместе, либо... я буду работать один, не надеясь на твою помощь. Но тогда наши шансы значительно ниже.

– Полагаешь, взаимное доверие – залог успеха?

– Иногда нельзя доверять даже собственной тени. Но в нашем случае без него никак... Михаил Алексеевич.

Мой виртуальный двойник подался вперёд и вытянул ру-

ку.

– Если ты попробуешь меня схватить, загребёшь воздух, – сказал я, непонятно с чего рассердившись. – Я – куча сигналов и стоячих электромагнитных волн в квантовом кластере. Я – набор фотонов в твоём проекторе. Я перестал быть человеком полтора года назад, что бы там ни твердили психологи и отец. Хватит уже взывать к моей человечности. Это крик в пустоту. Я теперь даже не ИИ – я новейший космический корабль. Свой долг перед Землёй я исполню, потому что я пилот, и слово «долг» для меня совсем не пустой звук. Но лезть ко мне в душу не позволю. Никому. Ясно?

– Прости, – жёсткий взгляд светло-серых глаз Эрнеста немного смягчился. – Твоя рефлексия тоже показательна. ИИ не рефлексиируют... Кстати, тебя пытались копировать?

– Пытались, – поостыл и я, догадавшись, что зря вспыллил. – Получались хорошие тупые ИИ-пилоты.

– Значит, скопировать интеллект можно, но душу – не получается?

– И ты туда же...

– Постой, не кипятись. Разговоры о спасении души предлагать не буду. Просто выслушай меня.

– Говори.

– Трансмиттер работает. Ты отключил его в момент взрыва мины. Том либо знает, либо догадывается, иначе не подтвердил бы прежнее время старта... И как, скажи на милость, вы, двое штатских, собираетесь задержать некоего ти-

па, проявившего навыки диверсанта высокого класса? Вы об этом подумали?

– Значит, я верно догадался – ты не простой учёный.

– Я довольно сложный учёный, – иронично заметил Эрнест. – Сложнее, чем вы оба можете себе вообразить. Но должен признать, в условиях форс-мажора и нехватки времени наживку вы подбросили неплохую. Диверсанту позарез нужно подать сигнал своим до того, как ты включишь двигатели. Но подсекать эту рыбку доверь мне. Договорились?

– С чего бы это вдруг? А если вы с диверсантом в сговоре?

– Будь я с ним в сговоре, он бы тоже знал, что ты умеешь лгать, – заявил Ромашкин. – И ни за что не полез бы к трансмиттеру. В *нашем отделе* так топорно не работают.

– Я не засекаю пока никаких живых организмов в районе модуля дальней связи.

– А я бы на твоём месте вспомнил, что Вуур не нашёл на скафандре свежих следов ДНК.

– Твою ж мать...

– Моя мать тут ни при чём. Лучше пошли туда маленького бота... – тут он выложил на стол коричневую ампулу-инъектор. – ... вот с этим. Один укол усыпляет человека мгновенно.

– Наша «рыбка» – человек?

– Человек, человек. Не теряй времени, у нас считанные минуты. Мы и так потратили на разговор больше, чем я ожидал.

– А я на редкость упрямая тварь, – настроение у меня было, мягко сказать, неважноецкое, но мелкий робот – блестящий шар с манипуляторами, имеющий встроенный антиграв – в открывшуюся по моей команде дверь всё-таки влетел. – Вот тебе бот. Уговорил. Но учти: если мне что-то не понравится, тебя не спасёт даже прозрачный допуск.

– Всё в порядке, – Эрнест прикрепил к манипулятору бота иньектор. – На твоём месте я бы тоже всех подозревал. Особенно того, кто с тобой откровенничает. Если бы я мог справиться один, не стал бы к тебе обращаться, поверь.

– Верю.

– Тогда командуй своей машинке. Наш приятель наверняка отслеживает перемещения экипажа, и если я сунусь в техотсек, могу его спугнуть.

– Есть подозрения, кто это?

– А ты сам подумай. Кто имеет доступ во все без исключения отсеки и не вызывает подозрения вознёй с любыми модулями?

– Технари, – мрачно предположил я. – Что, все трое?

– Нет. Это один из них. Кто именно – сейчас и узнаем.

Технарь. Один их троих.

Холодно-отстранённый Итиро? Его брат, любящий разгадывать кроссворды на нескольких языках? Или грубоватый, прямой, как немецкий автобан, Маркус?

Круг подозреваемых сузился. Вычислить одного из троих, наверное, можно, но на это понадобится время. Нужно, что-

бы он себя проявил. Но как раз этого допустить нельзя.

Вряд ли человек, которого мой бот уже видит приближающимся к модулю дальней связи, обратит внимание на небольшой летающий шарик с манипуляторами. Их на борту сотни. На человеке ношенный комбинезон с шевроном технической службы. На поясе – набор инструментов. В коридоре слабое дежурное освещение, в котором я никак не могу распознать его со спины. Все трое не богатырского роста, все трое коротко стриженные брюнеты, а боковые камеры у бота не самые лучшие. Мой «шарик» сейчас увлечённо тестирует состояние энергопроводов под потолком этого коридора – самое рутинное занятие для него. К тому же, позволяет бесшумно следовать за подозреваемым.

Эрнест, которому я вывел картинку с камеры, следил за ней так, будто и впрямь ждал момента «подсечь рыбу». Мне показалось, он в какой-то момент даже дышать перестал.

Но если технарь просто идёт по своим делам мимо модуля связи?

Значит, либо Эрнест ошибся не намеренно, либо... ошибся намеренно. В последнем случае его ничего хорошего не ждёт. С борта «Арго» он сойдёт только в наручниках. А может, и вовсе не сойдёт. Ибо я тварь не только упрямая, но и мстительная.

У самого люка модуля связи технарь остановился. Снял с пояса самый обычный сканер, потыкал в экранчик... и, повесив его обратно на пояс, вынул из кармана нечто неболь-

шое и полупрозрачное, похожее на свёрток тонкой плёнки.

– Попался, – усмешка Эрнеста была ледяной. – Хитрая плёночка. Надень одежду из неё, и дыхательную маску на лицо, и никаких ДНК-следов. Мы её для хирургов разрабатывали. Полгода всего, как испытание прошла.

– Шприц её хоть проколет, или она бронированная? – попытался пошутить я, тихо направляя бота к нашему подозреваемому.

– Проколет, проколет. Кстати, ты заметил? У него на правой руке нет браслета с маячком.

Намёк понял. Уже сканирую сигналы маячков членов экипажа. Причём сканирую пространство с высоким разрешением. Живой человек так или иначе движется. Даже спящий, и тот может шевелить руками, а то и вовсе размахивать ими. Чуланцы тоже не неподвижны. Моторика движений у них мягче нашей, но отследить микродвиги браслета тоже возможно, даже если чуланец спит или погружён в глубокие размышления. А вот один из браслетов совершенно неподвижен. В него не продета рука с бьющимся пульсом.

И, за секунду до того, как подозреваемый привычными движениями профессионала вскрыл технический люк модуля связи, я уже знал его имя. Хотя по-прежнему не видел лица.

«Зачем ты это сделал?»

Мне не нужно было спрашивать у Эрнеста, колоть или не колоть эту чёртову дурь. Как любят писать в детективах, со-

став преступления налицо.

«Зачем ты это сделал, Маркус?..»

Мы не стали посвящать весь экипаж в подробности. Просто сообщили Вууру, и тот вывез бесчувственное тело в медотсек, где позаботился, чтобы наш подопечный проспал до самого прибытия на станцию. Ну, стало технику плохо. Здоровьем не вышел, бывает. Близнецы и Виктор Петрович вообще ничего не заподозрили, а Том и чуланец благоразумно помалкивали.

Тем не менее я был зол, и всю дорогу до станции цедил слова сквозь зубы. Всевышний дал мне дожить до пятого десятка, не узнав предательства. Моих друзей, случалось, бросали девушки, уходили жёны, у одной сокурсницы увела парня родная сестра. Мне доводилось слышать о том, как дети забывали о постаревших родителях. Всё это обществом осуждалось, но люди не могут стать ангелами. Даже полтора-два десятилетия жизни при экономике всеобщего достатка и политике воспитания человека создающего мало нас изменили. Предавали хомо сапиенсы друг друга десятки тысяч лет, предадут и предавать будут ещё долго. Прав был писатель-фантаст Ефремов, на приближение к его обществу будущего потребуются сотни, если не тысячи лет. Мне лично повезло, меня никто из близких не предавал. До этого дня. Ведь экипаж – это почти семья.

Что двигало Маркусом? Почему он решился на предательство?

Надеюсь, Эрнест позволит мне присутствовать на первом допросе. Как один из потерпевших имею право знать, кто и зачем это затеял.

Да, я узнал ответы на свои вопросы – кто и зачем. Лучше бы не узнавал. Такое чувство, будто в дерьмо вступил.

Он не стал запираяться. Не прикинулся обманутым или запуганным. Рубанул сразу и с плеча.

– Почему я это сделал?.. Вы скоты. Рабы, вообразившие себя свободными. Рабы тоже могут взбунтоваться, и даже победить... на какое-то время. Но они не способны ничего построить. Посмотрите на себя со стороны. Почти все ваши технологии – не ваши, а инопланетные. Почти все колонии, где вы живёте, разведаны чужаками и подарены вам из-за условий жизни, не подходящих для тех, кто их нашёл и исследовал. Все ваши «достижения» в культуре созданы свободными людьми до вас. Вы сами живёте в нищете, оплёвываете любого, кто желает жить чуть богаче стада. Ваша экономика – это «всем поровну». Вы и работаете так, как положено при таком отношении – по минимуму, чтобы это «поровну» в себя затолкать, кое-как переварить и посмотреть футбол... Я сделал всё это потому, что всё должно вернуться в естественное состояние. Землёй должны править люди, а не говорящий скот. Скотина должна стоять в стойле и молча ждать, пока её зарежут. Если она в стойле стоять не желает, её нужно убивать показательно, и

так, чтобы остальные боялись даже подумать о неповиновении... Вы не заслуживаете другого отношения, рабы. Это всё. Можете рвать меня на куски, я больше ничего не скажу.

М-да. Никогда не слышал и не читал такого лютото бредда. А вот Эрнест, похоже, и читал, и слышал... Интересно, наука для него действительно профессия, или так, увлечение?

– Ты на Земле-то хоть раз был, критик? – а ещё эта глыба умеет улыбаться с такой весёлой иронией, что становится не по себе. – Кстати, где настоящий Маркус Нойман?

– Я же сказал, что...

– Да, я в курсе: будешь нем как рыба. Но тот, кто тебя послал, сделал три ошибки. Первая – мы давно не практикуем пытки. Это варварство и пережиток эпохи «свободных людей», столь любезных твоему сердцу. Вторая – у нас, бывает, и рыбы разговаривают, если надо. И третья ошибка – он вообще послал тебя сюда... Да, приятель. За сорок лет Земля изменилась. Очень сильно изменилась. Жаль, ты не оценишь. Конечно, сорок лет, по сравнению с историей других рас в Содружестве – это мизер. Но мы стараемся, меняемся. В отличие от тех, кто больше ста лет ненавидел человечество тайно, и в первые же годы экспансии постарался свалить с Земли, чтобы ненавидеть его явно. Вы ничего не увезли с родины, кроме ненависти к ней, и ничему не научились.

– Я не желаю слушать увёртки лживого скота.

– Я тоже. Но вынужден буду не один день копаться в содержимом твоих порядком засранных мозгов. Так что извини, должен прервать наш идеологический диспут...

Сами понимаете, моё эмоциональное состояние после этого можно было описать лишь матерно. Эрнест вполне мог обойтись без такой яркой дискуссии, но устроил представление. Специально для меня, по заказу. Разница в интеллектуальных уровнях была не просто очевидна – она ошеломляла. Учёный, посвятивший себя не только науке, но и системе безопасности человечества – и фанатик с промытыми мозгами. Один из тех, чьи предки так и не смирились с потерей огромной власти. Власть-то они потеряли, спору нет, но философию ненависти сохранили. В первой космической экспансии Земли они увидели свой шанс и постепенно перебрались на одну из дальних колоний, где вскоре захватили власть, объявили о разрыве с Землёй и выходе из Содружества. Угадайте с трёх раз, на чьей стороне они воевали во время горячей фазы конфликта с хебеарами. Тогда «саранча», которой так и не досталась Земля, набросилась на своих союзничков и выжила их с уютной планеты, чего те до сих пор простить не могут. Не себе, не хебеарам – нам.

Вот этого извращения я до сих пор понять не могу. Наверное, это не под силу нормальному человеку. Нормальному космическому кораблю – тоже.

– Теперь ты понял?

– Что именно?

– Зря ты наговаривал на себя. Просто не видел тех, в ком не осталось ничего человеческого.

– Это верно. Не видел... Всё, что ты говорил этому олуху, предназначалось для меня? Я учил историю.

– То, что ты учил – видимая часть айсберга, Миша. Последние два века – это не только медленное восхождение из тысячелетней лужи с кровавым дерьмом. Это ещё и отшибание цепких ручек тех, кто остался в луже и не желал, чтобы кто-то вообще оттуда вылез. Прими как данность тот факт, что спокойствие и уверенность в будущем девяноста пяти процентов человечества покупается... очень дорогой ценой.

– Насколько дорогой?

– Ну... скажем так: ты не одинок в своём одиночестве. Просто, в отличие от тебя, мы выглядим, как люди. И так же смертны.

– Я бы не поменялся с тобой местами. Не выдержал бы.

– Говорю тебе – не прибедняйся. Ты только пару часов назад понял, в чём разница между человеком и нелюдем. Так вот: ты – человек. Ты очень сильный человек. Другой на твоём месте...

– Свихнулся бы?

– Другой на твоём месте вовсе бы не оказался. Я не говорю о пройденном курсе космических пилотов. Я говорю о катастрофе «Меркурия». Ты знал, что полное слияние с компьютером в экстремальной ситуации почти наверняка будет сто-

ить тебе жизни, но пошёл на это, чтобы спасти пассажиров и экипаж. Хотя большинство из них даже «спасибо» тебе никогда не скажет.

– Я выполнял свой долг.

– Перед кем?

– Перед Землёй.

– Точнее, перед восемью сотнями людей и инопланетян, которых ты даже не знал.

– У них семьи. Их ждали дома.

– Но и тебя ждали тоже. Скажи, чем их семьи лучше твоей? Ты ведь мог просто катапультироваться.

– Слушай, ты случайно иезуитский коллегиум не заканчивал? Веке эдак в семнадцатом? Не мог я иначе поступить, понимаешь? Просто не мог. Никогда бы себе не простил, если бы сбежал и оставил их на верную смерть.

– Совесть, – кивнул Эрнест. – Это именно то, что делает нас людьми. Всех нас. Чтобы стать нелюдем, нужно всего лишь отказаться от неё. Такая мелочь по сравнению с богатством, властью...

– Ты тоже стоял перед выбором?

– Да. Я его сделал. Теперь по мере сил делаю всё, чтобы выбравшие другое не получили желаемого. Иначе – лужа кровавого дерьма. Снова. На тысячи лет.

– Хорошо сказал...

– Не без пафоса, согласен. Но разве я не прав?

– Нет, ты точно иезуит.

– И рядом не стоял.

– Кстати, что будет с этим... засранцем?

– А что с ним будет, с беспамятным? Лечение – разумеется, безуспешное. Потом новое имя, жизнь простого честного трудяги. И постоянное незаметное наблюдение, ведь на него могут попытаться выйти. Шанс небольшой, но и не нулевой.

– Экие вы прагматики... А с «Арго» что будет? С нашей роднёй?

– Вот за это не переживай, – Эрнест рассмеялся. – Летали и летать будем. Безопасность безопасностью, но открытия делать надо. Родные наши... С ними тоже всё будет в порядке. Собственно, они уже под прикрытием.

– Страшный ты человек, Ромашкин. Но почему-то я тебе верю.

– Взаимно, капитан Кошкин, взаимно.

Доверие.

Это так мало, и в то же время так много. Его можно заслужить годами дружбы и слить в один момент. Но как можно отречься от совести?

Чего я в этой жизни не понимаю из того, что понял Эрнест?

Ученье – свет, неучёных – тьма, верно сказано...

Тем не менее жизнь продолжается. Мы готовимся к новому полёту в неисследованный космос. Ещё один шагжок в гору, подальше от лужи кровавого дерьма?

Надеюсь, что да.

Заповедник

– Ник, что там у тебя?

– Порядок. Можешь запускать.

Теоретически я мог бы вообще обходиться без экипажа, как сказали умники со станции, но на практике это нереально. Пилот – весьма узкая специализация, какие бы дисциплины мы ни проходили параллельно во время учёбы. Нельзя объять необъятное. Даже сейчас, когда нужные знания в меня можно просто *загрузить*, остаются... эээ... некоторые особенности. «Душа к этому лежит», как говорит отец. У нас в семье «душа лежит» к пилотированию, ещё с двадцатого века. Кто-то говорит – генетика. Может быть, и она. Но сейчас-то откуда у меня ДНК возьмутся? Казалось бы, все ограничения должны были исчезнуть вместе с телом, но нет. Какие были способности и недостатки, такие и остались, ничего не изменилось. Значит, ДНК тут ни при чём? Значит, наши склонности заложены не в молекулах, а в той тонкой субстанции, что именуется душой? И это возможно. Но тут пусть учёные мозги ломают, а я уж лучше буду рулить «Арго».

Я выпустил двенадцать серебристо блестящих зондов. Нужно подождать, пока они займут стационарные позиции над поверхностью этой занятой планеты, и только тогда давать команду на активацию. Тут и впрямь интересно. Начи-

ная с того, что спутник вдвое больше Луны и вдвое ближе к планете, и заканчивая тем, что сюда нам высадка не светит. Условия близки к земным или чуланским, обе расы могли бы здесь спокойно жить. Но жизнь здесь уже есть, причём разумная. Классические гуманоиды без «изысков» вроде хвостов или дополнительных пар конечностей. Вот только цивилизация доиндустриальная, весь спектр от родоплеменного строя до своеобразного теократического феодализма. С такими контактировать запрещено – не доросли, мол. Исключения из этого правила можно пересчитать по пальцам одной руки, и делались они либо ради ценнейших, уникальных ископаемых, либо в безвыходных ситуациях, вроде катастроф звездолётов, когда на головы перепуганных аборигенов сыпались спасательные капсулы. В обоих случаях представители цивилизаций Содружества заключали с местными договор, сводили контакты до этнографических исследований, а если аборигенная культура интересовалась торговлей с пришельцами, то товары старались максимально приблизить к тамошним образцам, выделяя их разве что качеством. Приходилось соблюдать то самое «культурное эмбарго», о котором столько понаписали фантасты прошлого. Но проще всего его соблюдать, попросту не вступая в контакт с «недозрелыми» обществами.

М-да. А ведь ещё каких-то пятьдесят лет назад Земля тоже числилась в запретном списке. Когда узнал об этом, возникло чувство обиды. Но ещё обиднее было услышать от то-

го же Вуура, что если бы хебеары вздумали атаковать нас ещё в двадцать первом веке, то с нами не стали бы иметь дела даже ради нашего спасения. Лишь недавно Содружество пришло к выводу, что мы, люди, стоим на верном пути, и потому достойны жизни. Двести лет назад мы вообще проходили по категории опасных цивилизаций, а Содружество – это клуб со строгими правилами. За всю его историю, кстати, не было ни единого случая войны между его членами, а экономические конфликты, как правило, сводились к спорам за богатые ресурсы планеты и разрешались в Высоком Суде. Не было также и случаев, когда цивилизация покидала его ряды «за плохое поведение». Вымирали по разным причинам – да. Исчезали из-за космических катастроф или неспособности отразить внезапное нападение агрессивной цивилизации – да. Но ни одна полновесная цивилизация не уходила, хлопая дверью и затаив зло. Отщепенцы не в счёт.

И кстати, самой старой цивилизации Содружества около ста двадцати тысяч лет от начала письменной истории. Расы с миллионами лет за плечами проходят по категории легенд. Почему? Не знаю.

Ну да ладно. Приняли нас – и хорошо. Выходит, и впрямь не безнадежны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.